

АЛЕКСАНДР ШУБИН

ПРЕДАННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СССР и неформалы

1986-1989

 европа.

Александр Шубин
Преданная демократия. СССР
и неформалы (1986-1989 г.г.)

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165967
Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989): Европа; Москва; 2006
ISBN 5-9739-0028-2

Аннотация

Это книга в жанре свидетельства. Демократическая среда 80-х – неформалы – сначала искренне стремилась к «правильному» социализму, затем столь же искренне увлеклась – реконструируя себе идеологию по книгам – кто анархо-синдикализмом, кто линией конституционных демократов, кто еще чем-то. Неформалы составляли реальную демократическую среду в период бури и натиска горбачевской перестройки. Они шли на улицы, они обеспечивали успешность массовых акций. Старшие товарищи грамотно воспользовались энергией этой восторженной молодежи и столь же грамотно отодвинули ее в сторону, когда заняли ключевые позиции в Межрегиональной группе уже подзабытого Съезда народных депутатов. Автор был в самой гуще краткого по времени движения идеалистов-неформалов конца семидесятых – восьмидесятых годов прошлого века и пережил все стадии этого движения.

This book belongs to the genre of testimony. The democratic milieu of the '80s, the informal youth groups (as opposed do Komsomol) were at the beginning quite candid in their aspirations for the «correct» socialism, but then – while reconstructing ideologies from the old books – with equal candidness they all took different paths: some were attracted by the anarcho-syndicalism while others became constitutional democrats or something else altogether.

The unofficial organizations constituted an authentic democratic environment at the time of the Sturm und Drang that marked the late period of Gorbachev's Perestroika. They took out to the streets securing the success of mass actions. The elder comrades have intelligently explored the energy of that rapt youth and managed to smartly divert it when they occupied key positions in the Interregional Group of that almost forgotten Congress of Peoples Deputies. The author was in the plain centre of the short-lived informal idealists' movement of the late '70s and through the '80s of the past century and he witnessed that phenomenon in all of its stages.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ИСТОКИ	9
ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО	9
«ПОИСКИ»	11
И «ВАРИАНТЫ»	13
«МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»	14
РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ	17
«ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»	17
С ЧЕГО НАЧАТЬ?	26
КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ	28
КАК ВОЙТИ В ИСТОРИЮ?	33
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР	37
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ	40
ГЛАВА ВТОРАЯ	43
КОМСОМОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ	43
АТАКА НА АППАРАТ	43
КАК ПРОРВАТЬ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЛОКАДУ?	48
СТРАНА ПОЛНА НЕФОРМАЛАМИ	49
БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ	53
НЕФОРМАЛЫ И ДИССИДЕНТЫ	53
ЗАОЧНИКИ	57
ФИЗИКИ И ЛИРИКИ	58
«ПЕРЕСТРОЙКА»	59
ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ОБЩИНЫ»	61
ДИСКУССИИ И ДОКУМЕНТЫ	61
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИЦО	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Шубин

Преданная демократия. СССР и неформалы (1986-1989 г.г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о демократической среде тех, кого в конце 80-х – начале 90-х годов называли «неформалами» или «политическими неформалами». Ввел термин «неформалы» во всеобщий оборот, если не ошибаюсь, Юрий Щекочихин в одной (или не одной) своей статье в «Литературной газете» года примерно 85-го. Сначала его применяли в основном к хиппи и рокерам, а потом и к новым низовым общественным движениям, объединениям, группам. Слово было настолько на слуху, что не требовало никаких разъяснений.

Сейчас никто не назовет «неформалами» таких персонажей современной государственной и политической сцены, как Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Андрей Исаев, Глеб Павловский, Сергей Митрохин, Владимир Рыжков. В конце же 80-х все они были именно «неформалами». Как минимум два «неформала» стали президентами – правда, не в России, а в Закавказье (Звиад Гамсахурдиа и Левон Тер-Петросян).

Книга А. Шубина позволяет уточнить многие детали нашей недавней истории, истоки всем известных событий. Например, идеи выделения России из СССР, успех которой привел к распаду Советского Союза.

Недавно я принимал участие в сугубо академической полемике на тему «кто и как развалил Советский Союз», где напомнил об участии в процессе развала тех, кто любит называть себя «патриотами». Еще в июне 1989 года народный депутат СССР, писатель Валентин Распутин выдвинул идею выхода РСФСР из состава Советского Союза. (Эту подзабытую обществом цитату из Распутина читатель встретит на страницах книги А. Шубина).

По собственному опыту знаю, как трудно избежать искажения воспоминаний. Книга у А. Шубина получилась на удивление объективной – что вообще редко бывает. Учитывая, к тому же, что автор – не только историк, но и политический деятель с весьма определенными взглядами, довольно левыми (по европейской шкале), и он их отнюдь не скрывает.

Кто-то, возможно, захочет упрекнуть автора книги в «общиноцентризме» – клуб «Община», в котором автор состоял и фактически был одним из двух (наряду с Исаевым) лидеров, действительно занимает в повествовании много места. Однако это вполне оправданно. И не только тем, что все перипетии событийной и интеллектуальной истории этого клуба Шубин, естественно, знает лучше всего. Поэтому А. Шубин избирает именно «Общину» для исчерпывающей по своей подробности характеристики внутреннего мира неформалов. И это – удачный выбор.

Опираясь на классические неформальные группы как на точку отсчета, автор представляет широкую палитру низовой демократии, подробно останавливается на драматичных конфликтах неформальных лидеров, в которых формировались истоки политической культуры многопартийности нашей страны. На страницах книги мы найдем и КСИ (Клуб социальных инициатив), и «Перестройку» (сначала одну, а потом две – «Демократическую» и «П-88»), и «Мемориал», и «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК), и Московский народный фронт (МНФ), и Конфедерацию анархо-синдикалистов (КАС), в создании которых роль «Общины» была или немалой (в случае с ФСОК и МНФ), или решающей (в случае с КАС).

Тот стиль политического действия «неформалов» – со всеми его противоречивыми чертами, в том числе «детскими» и смешными, – в наибольшей степени в московской политической среде концентрировался именно в «Общине» и «Гражданском достоинстве». Как раз удачно, что первая попытка обобщения истории неформального движения сделана историком, который про «Общину» знает просто все, а с «Гражданским достоинством» тесно взаимодействовал и поэтому тоже знает немало.

Если учесть, что в движении участвовали десятки историков по профессии или образованию, то даже удивительно, что о нем написано так мало. Кроме прежних публикаций А. Шубина, который обращается к теме уже не в первый раз, стоит, например, отметить вышедшую микроскопическим тиражом работу Юрия Скубко, описавшего историю создания «Демократического союза».

А. Шубин замечает об обстоятельствах складывания идеологии общественных деятелей и их дальнейшей политической траектории: «многое зависело от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую потом» (сразу хочется предложить примеры: «Архипелаг ГУЛАГ», «К суду истории», «Протоколы сионских мудрецов»...). Но это относится не только к идеологическим и политическим сюжетам, а и к истории, литературе, культуре.

Я полагаю, что те, у кого стартовой площадкой изучения политики России конца 80-х годов окажется новая книга Александра Шубина, об этом не пожалеют.

*Владимир Прибыловский,
президент информационно-исследовательского центра «Панорама»*

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга для тех, кому интересна эпоха перемен. Кто видит в переменах не только бедствие, но и возможность что-то изменить к лучшему. И у первых, и у вторых своя правда, но каждому важно понять, как складывается соотношение бедствия и освобождения, индивидуальных амбиций и человеческой солидарности. А для этого нужно знать реальную анатомию событий, реальные факты, а не мифы, достаточные для обывателя. Эта книга для тех, кому важно знать, как «раскручиваются» перемены.

Эта книга и для тех, кто мечтает о революции, или о «бархатной» революции, или о «бархатной революции» (даже простая перестановка кавычек позволяет нам понять разницу между имитацией событий и реальными переменами). Эта книга и для тех, кто видит в революциях и массовых выступлениях опасность, кто желает противостоять натиску толпы.

Эта книга о чем-то более важном, чем просто период конца 80-х годов. Здесь описан образ жизни, который отличается от привычной большинству наших современников повседневности. Эта книга – о решающем этапе становления советского гражданского общества, когда оно в наибольшей степени стало образом будущего, когда оно «потянуло» советское общество к этому будущему. Сегодня футурологи спорят, как будет выглядеть постиндустриальное общество. Будет ли оно информационным, манипулятивным, креативным, основанным на горизонтальных корневых сетях или виртуальной разобщенности? Насколько оно использует наследие консервативной, либеральной и социалистической мысли. Неформальное движение 1986—1989 годов было полигоном, который позволял заглянуть в будущее на примере конкретного опыта.

История неформалов состояла из событий, которые в жизни этого поколения (а то и предыдущего) происходили впервые. Первое публичное оппозиционное выступление, которое не ведет к репрессиям, первая демонстрация, первая легальная независимая газета, первая конференция оппозиционных сил. То, о чем сегодня мы говорим как об обыденности, тогда было маленьким подвигом с огромным риском и непредсказуемым результатом. Сегодня мы привыкли к полетам на самолетах, и аэропланы начала XX века кажутся нам нелепыми этажерками. Но без этой рискованной нелепости был бы невозможен современный мир.

Советские люди того времени жили в условиях информационного вакуума, и если они не соглашались с прочно сколоченной догматической общепринятой точкой зрения, им приходилось искать мировоззрение на ощупь. Многие зависело от того, какую книгу ты прочитал сначала, а какую потом. Мировоззрение вольномыслящих людей напоминало пустую комнату, в центре которой стоит огромных размеров марксистско-ленинский стол. Его можно было выкинуть или, отпилив куски, разместить в углу. Но, освободив комнату от обломков, дальше следовало как-то обставлять ее, причем в условиях дефицита мебели где-то выискивать «стулья» социальных и философских доктрин, «шкафчики» исторических тайн, которые теперь знает каждый школьник. Неформалы СССР завидовали бы нам, нынешним, перегруженным информационными потоками. Они не слушали исторических передач Эдварда Радзинского, не читали книг математика Фоменко, отрицающего существование Древнего мира, не видели крикливых дебатов по телевидению о текущих политических событиях.

С другой стороны, поколению, мировоззрение которого формируется на грани XX и XXI веков, есть в чем позавидовать им – ведь прежде чем обустроить комнату, из нее следует вынести мусор. А нынешние мировоззренческие комнаты завалены информационным мусором. И если расчищать завалы своего сознания, то полезно присмотреться к опыту тех, кто в совершенно иных условиях преодолевал идеологические мифы, выносил мусор догматов,

образовавшихся в ходе этого нелегкого ремонта, жил в восхищении от чуть ли не ежедневных открытий, от самого поиска истины. Той истины, которая тогда была скрыта за дверями запретов, а сегодня – за потоком информационного мусора, мифов эпохи постмодерна.

Описывая опыт неформального движения 1986—1989 годов, автор сталкивается с несколькими трудностями, неизвестными большинству историков прошедших эпох. Он знает события, о которых повествует, «изнутри». И в то же время не желает писать мемуары. Ибо мемуары одного человека слишком субъективны, чтобы на их основе можно было понять ход событий. Память услужливо искажает события в пользу говорящего. Поэтому автор предпочитает предоставлять слово себе как участнику событий лишь постольку, поскольку сохранились документы того времени, которые помогают проверить память. Посмотрим на это время глазами других свидетелей, которых легко поправить, когда со стороны заметна их тенденциозность. Поправить себя в таких случаях сложнее. Автор оставляет за собой одно преимущество – участника, «инсайдера»: он знает, где искать свидетельства, связи событий и людей, знает, кто склонен приукрасить свою роль и возвести напраслину, а кому можно доверять в большей степени, даже если он говорит нечто неприятное. Автор не ставит перед собой задачу оправдать неформалов или обвинить их. Он не юрист, он – историк.

Еще одна сложность – угол зрения. Обычно история пишется «извне» события, а не «изнутри». Картина «с птичьего полета» более объективна – каждому фрагменту событий отмерено свое место и свой объем информации. Никто не упрекнул бы меня в этом случае в том, что я «выпячиваю» роль одних в ущерб другим. Но при взгляде «с птичьего полета» потеряется множество деталей – ведь объем книги ограничен. А без этих штрихов исчезнет неповторимый аромат истории, микросреда, в которой вываривались события, «человеческий фактор», который в действительности не сводится к «великим личностям» Михаилу Горбачеву, Борису Ельцину, Андрею Сахарову и т. п.

Нет, как хотите, но я поведу вас другой дорогой.

Наша экскурсия углубится в самые недра общественного движения 1986—1989 годов. Мы пройдем тем путем, которым в юности шел автор, будем встречаться с его знакомыми, а также со знакомыми его знакомых. Это – выигрышная позиция для наблюдения реальной истории. Здесь и микросреда конкретной и во многих отношениях типичной общественной группы того времени – «Общины». Именно на примере этой группы мы рассмотрим микромир неформальных организаций, что позволит нам лучше понять жизнь этого сообщества в целом. «Община» расположена в непосредственной близости от центра, мейнстрима неформального движения. Отсюда вы сможете все хорошо разглядеть. Рядом тянутся нити к народной стихии и к загадочному тогда (но очень хорошо известному в начале XXI века по мемуарам) миру ЦК и «прорабов перестройки». Но это – не мир неформалов, и мы рассмотрим эти связи пунктирно. Также в общих чертах или на примере наиболее ярких эпизодов мы увидим движения, расположенные в стороне от основного потока – будь то Демократический союз, педагоги-коммунары и так далее.

И еще одно. Это экскурсия по Москве. События в Ленинграде, Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Средней Азии, в каждом из городов России, Украины, Белоруссии, таких в сущности похожих в то время, достойны отдельного повествования. Но согласимся: в то время главное политическое сражение шло в Москве. И поэтому если о чем-то говорить подробно, то сначала о столице.

В эпицентре нашего повествования мы встретим людей с идеями. В истории идеи иногда значат больше, чем действия, и мы внимательно рассмотрим, что тогда предлагали эти люди стране. Это тем более интересно, что авторы проектов 1986—1989 годов не знали того, что мы знаем сегодня. Но революционная эпоха требует внимания и к идеям, и к действиям. Нас будут прежде всего интересовать идеи тех, кто действовал.

У многих из этих людей уже тогда было большое общественное прошлое, в том числе диссидентское. У многих из них будет заметное будущее – они станут журналистами, бизнесменами, чиновниками, депутатами и другими «телевизионными головами». Они станут очень разными, пройдя неформальную школу. Но звездный отрезок их биографии состоялся в то время, когда они пытались сыграть свою партию в оркестре исторических Событий. Не всем это дано. Хотя все готовы судить игру тех, кто действовал. Но если вы думаете, что смотрелись бы лучше – попробуйте хотя бы повторить, сыграть свою роль в новом Событии. Но тем, кто остался пассивным наблюдателем, нечего обижаться, если не нравится результат Истории. Она зависит от людей, в ней участвующих, от их опытности и неопытности, рассудка и эмоций, ошибок и мудрости. От знания опыта предшественников и умения учитывать его. Эта книга – об опыте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИНИЦИАТИВЫ И ПОДПОЛЬЕ

ИСТОКИ

ЖИВОЕ ОБЩЕСТВО

В СССР, ВОПРОКИ современным мифам и легендам о нем, существовало множество автономных общественных движений. В 1956 году стартовало коммунарское педагогическое движение, в 1958—1960 годах – движение дружин охраны природы, в 60-е бурно развивалось песенное движение, причем сразу двумя потоками – рок-движение и клубы самодеятельной песни. А еще существовали многочисленные краеведческие клубы, литературные течения и религиозные секты. Эти движения были массовыми, вступали в сложные и иногда конфликтные отношения с властями, вырабатывали собственную систему взглядов.

Вспоминает В. Л. Глазычев¹: *«Наряду с неформалами существовали полуформалы. Это была никак не отстроенная полусеть полуформальных структур, в которой люди хорошо знали друг друга. Они ютились в самых неожиданных местах, кочевали, давали убежище друг другу. Когда лидер Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкий был изгнан из партии и был вынужден уйти с работы во ВНИИ технической эстетики за то, что подписал письмо в защиту диссидентов, его приютили в*

¹ Вячеслав Леонидович Глазычев в 1963-м окончил Московский архитектурный институт. В 1968 году защитил диссертацию по проблемам дизайна и массовой культуры, кандидат философских наук, автор статьи «Массовая культура» в БСЭ. В 1978 году защитил докторскую диссертацию об организации архитектурного проектирования, но она не была утверждена ВАКом. В 1994 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Культурный потенциал городов». В 1987-1988 годах – секретарь Союза архитекторов.

Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР, обеспечивавшей этому союзу графу отчетности „связь с жизнью“. Кстати, Щедровицкий не был диссидентом. Я ему задавал вопрос: почему ты подписал, ты не должен был подписывать, ведь твоя функция – тащить свое дело, и ты подставляешь это дело. Он ответил, что это – друзья, давление среды, которое заставило этого абсолютно логического человека поступать по велению сердца, а не разума. И отдел теории дизайна ВНИИ технической эстетики, и Центральная учебно-экспериментальная студия, и молодежная секция Союза архитекторов были очагами этой сети мощных дискуссионных клубов, летних школ и семинаров, где под предлогом теории дизайна или чего-то еще обсуждалась структура общества, взаимодействия между экспертами и властью, тысячи вопросов абсолютно внецензурных, хотя все чуть-чуть „блюли приличия“, не называя вещи своими именами. Эти дискуссионные очаги были связаны с целым рядом изданий. Среди выделялись „Знание – сила“ с его отделом фантастики, „Декоративное искусство“, где была напечатана первая статья Льва Гумилева. Редакции этих журналов фактически были дискуссионными клубами. И все эти „очаги“ более или менее друг о друге знали»².

Разделение на неформалов и «полуформалов» до начала перестройки фактически отсутствовало. Полуформалы были неформалами, которые смогли обзавестись статусом, позволявшим использовать государственные учреждения в интересах неформальных структур. Но через очаги общественного движения проходило множество людей, которые были не организаторами, а «потребителями» этой творческой среды, и их круг был куда шире, чем собственно неформальный актив. Позднее, уже в ходе перестройки, между разными поколениями общественности обнаружится существенное поколенческое различие, где важную роль будет играть социальный статус. Политические неформалы 80-х вступят в сложные отношения с шестидесятниками, представителями статусной либеральной интеллигенции, некоторые из которых сами в прошлом прошли через структуры, аналогичные неформальным.

Накануне перестройки в кругах интеллигенции кипели идейные дискуссии, тысячи людей передавали друг другу самиздат самого разного (не всегда оппозиционного) содержания, обращали внимание друг друга на «наши» статьи в официальной прессе. Наконец, открыто оппозиционные взгляды выдвигало диссидентское движение. Все это позволяет говорить о том, что в СССР существовали сектора гражданского общества³.

Из-за авторитарного характера режима полноценное гражданское общество не могло возникнуть, так как каждый сектор был изолирован от большинства других. Были ограничены возможности выдвижения обществом самостоятельных социально-политических задач. А без этого отсутствует важнейший признак гражданского общества – гражданственность, социально-политическое давление на государство.

Диссидентское движение пыталось выполнять эту миссию, но оно было изолировано от остальных движений в силу своей идеологии, методов деятельности. Диссиденты воспринимали остальное общество как часть враждебной им «системы».

² Здесь и далее воспоминания В.Л. Глазычева записаны во время беседы с автором 2 июня 2005 года.

³ Подробнее см.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам: СССР в 1977—1985. – М., 2001. – С. 336—586.

Вспоминает Г. О. Павловский⁴: *«Диссиденты жили в противостоянии Системе. Сама идея противостояния предполагала, что ничего другого нет – есть Система и ее люди, и есть героические и малочисленные участники того, что называлось по-разному: „Движение“, „Сопротивление“, „Демократическое движение“, „диссидентство“. Больше ничего нет и быть не может.*

В силу успешной по-своему модели юридического противостояния диссидентское движение не могло расширяться. Когда приходили люди с предложениями политической борьбы, диссидентская среда их не принимала.

Диссиденты по идее Вольпина отстаивали существующую конституцию, а потом Хельсинкские соглашения. А если люди хотели бороться не за юридические поводы – было неясно, куда их припандорить – при чем здесь конституция. Мы политикой не занимаемся, мы права защищаем»⁵.

В конце 70-х – начале 80-х годов предпринимались попытки оппозиционных групп выйти из изоляции. Характерно, что позднее некоторые участники этих событий станут лидерами неформалов.

«ПОИСКИ»

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕТЬ разрыв инакомыслящих с окружающим миром обсуждались в московском самиздатском журнале «Поиски», где печатались такие люди, как П. Абовин-Егидес, П. Пыжов (Г. Павловский), В. Абрамкин и другие. В журнале собрались люди преимущественно левосоциалистических взглядов, но сотрудничали и либералы. В дальнейшем мы будем употреблять это слово в кавычках – «либералы» (или «либеральные коммунисты») – сторонники некоторой «либерализации» советской системы, расширения в ней свобод. Понятно, что «либералы» не являются собственно либералами – сторонниками западной экономической (капитализм, частная собственность, финансовый рынок и так далее) и политической (многопартийность и так далее) системы. Либералы без кавычек появляются из диссидентской среды и будут действовать в неформальном движении сначала как его меньшинство. В диссидентском движении либерализм в собственном смысле слова только вызревал и не стал господствующим течением.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Нельзя забывать, что диссидентское движение – это движение советско-идеалистическое. В ранней фазе оно себя очень четко дистанцировало от антисоветских групп. Оно отказывалось определиться как антикоммунистическое. Были лишь отдельные люди и кружки, стоявшие на антикоммунистических позициях, но они не составляли большинства. Резковатых на словах людей подозревали в том, что они связаны с Комитетом. В этом была некоторая провокационность, больше полезная для наших противников, чем для нас.*

⁴ Глеб Олегович Павловский в 1973 году окончил исторический факультет Одесского государственного университета и стал работать учителем. Участвовал в подпольном кружке, занимал леворадикальные позиции. С 1972 года участвовал в диссидентском движении. Когда это стало слишком заметно, «молодого учителя» уволили из школы. В 1976—1982 годах трудился столяром. В 1978—1980 годах входил в редколлегию самиздатского журнала «Поиски». В 1982 году за участие в диссидентском движении осужден на 5 лет ссылки. После возвращения из ссылки стал заместителем главного редактора журнала «Век XX и мир», председателем совета директоров информагентства «Постфактум» (до 1993 года). В 1993-м возглавил редакцию журнала «Век XX и мир». С 1995 года – директор Фонда эффективной политики.

⁵ Здесь и далее воспоминания Г.О. Павловского записаны во время беседы с автором 29 апреля 2005 года.

Это касается и действий, и разговоров, и антикоммунизма. Во время диссидентского движения Виктор Сокирко под псевдонимом Буржуадемов был почти единственным ходатаем буржуазного развития. С ним не соглашался практически никто, включая академика Сахарова. Все хотели чего-то другого. А когда капитализм пришел, он его настолько ужаснул, что Сокирко закрылся от этого нового мира, пытаясь и сейчас жить по-диссидентски. Он даже свои памфлеты против меня сейчас печатает на гектографе».

«Поиски» искали синтез идей, которые могли бы лечь в основу плавного реформирования «системы» и в то же время получить поддержку хотя бы части советского общества, включая и реформаторское крыло правящей элиты. Это был не единственный мозговой центр того времени, но обсуждение в «Поисках» было характерным для этого времени.

Вспоминает Г. О. Павловский: *«Мы с Гефтером и Игруновым⁶ искали возможность открыть более широкую реальность. И в это же время польские и чешские диссиденты, Гавел и Михник, развернули дискуссию о компромиссе, позволяющем выйти за пределы изолированной среды. Советский Союз для меня был продуктом компромисса реальной политики и социального идеализма, которым я никак не хотел пожертвовать. Для меня советское общество – это было общество равных. В этом был некий смысл всей остальной политики. Иначе зачем мы этим занимаемся, если исчезает социальное равенство и империя знания, образованности? Ведь источником русского марксизма является в том числе и русская классическая литература с ее идеалом справедливости. Это наша идентичность.*

Мне тогда рассуждения сторонников экономического либерализма казались трудноопровержимыми. Но я старался не думать об этом, как и многие. Я был сторонником постепенной либерализации Советского Союза. Политическая свобода не казалась мне достаточной ценностью, чтобы ради нее можно было пожертвовать государством. Я был государственным, и всегда очень настороженно относился ко всему, что может разрушить государство. У нас по этому поводу была в 1981—1982 годах большая полемика в самиздате с Игруновым и Сокирко. Я считал, что Андропов был гарантом системности советского строя. Пока вы рветесь к пульта, но не знаете, на какие кнопки будете нажимать, то пусть пока будет Андропов.

Буржуадемов выступал за создание буржуазно-либеральной партии, которая выступала бы как оппонент КПСС за развитие экономических свобод. А где тогда окажутся СМИ? А СМИ дадут коридор наиболее речистым и экономически сильным, причем в каждой республике. А что вы будете делать с проблемами Грузии, Абхазии и Армении? Уже после

⁶ Вячеслав Владимирович Игрунов учился на экономиста в Одесском институте народного хозяйства. В 1965—1966 годах входил в подпольный марксистский кружок, затем перешел на либеральные позиции. С начала 1970 года был связан с группой, выпускавшей самиздатский журнал «Поиски». В марте 1975-го был арестован по обвинению в клевете на советский строй, признан невменяемым и освобожден в 1977 году. В июне – августе 1988 года он был одним из основателей Московского общественного бюро информационного обмена, на базе которого в 1991 – м был создан Институт гуманитарных и политических исследований. Стал его директором. В 1993 году избран депутатом по списку «Яблока». В 2003-м, обвинив Явлинского в авторитарных методах руководства и других грехах, создал партию с многообещающим названием СЛОН («Союз людей за образование и науку»). Образование и наука не поняли юмора, и на выборах 2003-го СЛОН успеха не снискал.

разгрома «Поисков» я пытался создать «третью силу», писал открытые письма Андропову и Черненко, призывая здоровые силы в недрах Политбюро к проведению ответственной государственной политики».

Так формировалась стратегия общественного движения, ориентированная на связь независимого интеллектуального центра с реформаторами в партии. Интеллектуалы в силу своей независимости лучше понимают ситуацию и выступают в качестве ответственных советников. Но что заставит реформаторов слушать именно их, а не своих штатных советников из академиков и аппаратчиков?

И «ВАРИАНТЫ»

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ к этому вопросу подошли «молодые социалисты», группировавшиеся вокруг журнала «Варианты». Он издавался кружком знакомых, который сложился еще в университетские годы и начал участвовать в нелегальной работе с 1976 года. В него входили А. Фадин, П. Кудюкин⁷, М. Ривкин, В. Чернецкий, Ю. Хавкин, И. Кондрашев. Группа «Вариантов» контактировала с диссидентами и членами зарубежных компартий.

Павел Кудюкин⁸ так определяет свои взгляды того времени:
«Левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Мы с Фадиным западное общество не воспринимали как что-то изолированное, оно было тесно связано с третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными „новыми левыми“. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику – индикативному планированию. Нашими целями были экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне, возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»⁹.

С «Вариантами» сотрудничал Борис Кагарлицкий, который в 1978 году стал издавать самиздатский журнал «Левый поворот» (первый номер вышел в 1979-м). В 1980 году журнал

⁷ В 1973 году студенты исторического факультета МГУ И. Долуцкий, П. Кудюкин и А. Фадин выпустили стенгазету сатирического содержания, за которую Долуцкий был исключен из комсомола и университета, а другие участники подверглись взысканиям по комсомольской и административной линиям (так называемое дело Долуцкого). Кудюкин был инициатором сбора подписей в защиту Долуцкого. Так друзья попали в поле зрения КГБ. Несмотря на это, по окончании МГУ в 1976 году им удалось поступить на работу в престижный институт ИМЭМО, известный тогда как оплот вольномыслия. Кудюкин стал аспирантом и писал диссертацию, а Фадин – младшим научным сотрудником. В начале XXI века Долуцкий вновь оказался в центре скандала как автор идеологизированного учебника истории, который был лишен Министерством образования грифа «рекомендовано».

⁸ Павел Кудюкин в 1990 году стал депутатом Ленинградского районного Совета Москвы (избран при поддержке предвыборного блока «Демократическая Россия»), в 1991—1993 годах был заместителем министра труда РФ и занятости РСФСР (с июня 1992 года – заместитель министра труда). В 1994—1995 годах участвовал в организации Социал-демократического союза. Затем отошел от активной политической деятельности. Занимается исследовательской и преподавательской работой.

⁹ Здесь и далее воспоминания П. Кудюкина записаны во время беседы с автором 23 сентября 1994 года.

вышел под названием «Социализм и будущее». Взгляды Бориса Кагарлицкого могут быть определены как вариант еврокоммунизма.

Идеологический спектр обоих изданий был относительно широк – от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей «Вариантов» и «Левого поворота», сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985—1989 годах. Но именно поэтому они представляли реальную опасность для монополии КПСС на власть и ее преобразование. Особые опасения вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистичности, с надеждой всматривались в польский опыт, обсуждая возможности повторения подобных же событий в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации. Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых». Но идея создания левой Федерации, лояльной КПСС, но оппозирующей ей, осталась в «копилке идей».

«МОЛОДЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

В АПРЕЛЕ 1982 ГОДА были арестованы «молодые социалисты» Б. Кагарлицкий¹⁰, П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, А. Шилков, а позже – М. Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т. н. „Федерации демократических сил социалистической ориентации“ для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из „теоретических“ документов, что „... коммунизм советского образца – преступление против человека и человечества, а СССР – нравственный застенки миллионов“... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»¹¹.

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела выходы на придворных либералов, могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРа. Поскольку двое арестованных (Фадин и Кудюкин) работали в ИМЭМО, их арест был использован противниками директо-ра института Николая Иноземцева для травли «гнезда ревизионистов». Конфликт в высшем экспертном сообществе СССР придал делу Фадина – Кудюкина дополнительный резонанс¹².

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин во время допросов сообщили сведения, которые позднее были исполь-

¹⁰ Борис Кагарлицкий был студентом ГИТИСа. В 1979-м он стал кандидатом в члены КПСС. Но КГБ выяснил, что подающий надежды студент ведет «двойную жизнь» диссидента-подпольщика, и в 1980-м Кагарлицкий был исключен как из кандидатов, так и из института. В 1990 году Кагарлицкий был избран депутатом Моссовета. В том же году он стал лидером Социалистической партии, но в силу ее маловлиятельности стремился вместе с другими левыми марксистами и синдикалистами (прежде всего А. Исаевым и А. Шершуковым) создать более мощную левую организацию – Партию труда. Этот проект также не удался. Кагарлицкий сосредоточился на исследовательской и журналистской работе – возглавил Институт проблем глобализации.

¹¹ См.: Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 239—240.

¹² Подробнее см.: Черкасов П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. – М., 2004. – С. 483—530.

зованы судом для «изобличения» М. Ривкина. Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А. Фадына, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»¹³.

Б. Кагарлицкий, А. Фадин, П. Кудюкин и другие участники группы были освобождены в соответствии с Указом о помиловании 25 апреля 1983 года, после того как подписали заявление об отказе от продолжения антисоветской деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Юрием Андроповым) – уникальный случай в советской юридической практике. Не подписавший заявление М. Ривкин был в июне 1983 года осужден (семь лет лагерей и пять лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве свидетелей «молодые социалисты» отказались подтвердить показания, способные изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников. Кагарлицкий обвинял в происшедшем Фадына и Кудюкина. Ривкин, освобожденный в 1987 году, перед отъездом в Израиль в 1989-м выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фадына и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фадына и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80-х годов¹⁴.

Глеб Павловский, также «зачищенный» в апреле 1982 года (в эту волну арестов попало более ста человек), так комментирует этические проблемы, с которыми приходилось сталкиваться в начале 80-х: *«Я не склонен делить диссидентов на „кошерных“ и „некошерных“. Меня больше травмировали телепокаяния видных диссидентов. Тем более, мое поведение тоже не было вполне „кошерным“. Я был арестован в январе 1980 года и поставлен перед выбором – посадка или эмиграция. Ни то ни другое меня не устраивало, поэтому я заключил с ними соглашение – прекратить вести общественную деятельность. Это соглашение я нарушил.*

Апогеем моего диссидентства стала такая «журналистская авантюра» – мы с крыши фотографировали суд над Абрамкиным. А потом мне захотелось выразить свое отношение, и я камнем швырнул в окно суда. Меня преследовали, я прыгнул с крыши и сломал ногу. Милиция меня не нашла, я был прооперирован по чужому паспорту. Вскоре меня вычислили по оперативным данным, но доказательств у них не было. Они меня просто вызвали и сказали, что наши договоренности не действуют. Моя позиция становилась все более умеренной как раз в это время. Если бы я сидел тихо, меня, может быть, и оставили бы в покое, но я писал открытые письма вождям СССР. А тут решили присоединить к списку на зачистку. 6 апреля 1982 года была большая посадка. Дочистили «Поиски» и посадили «Варианты».

После ареста я дал показания на себя и тех, кто уже уехал из СССР. В итоге мне дали пять лет ссылки, но после года в тюрьме мне оставалось сидеть три. Уже в 1984 году, приехав в отпуск из ссылки, я

¹³ Урушадзе Г. Избранные места из переписки с врагами. С. 241.

¹⁴ Дело Кагарлицкого // Солидарность. – 1991. – № 12; Гласность. – 1989. – № 29; Беседы с П. М. Кудюкиным и Б. Ю. Кагарлицким.

застал диссидентское движение разрушенным. Люди эти существовали, продолжали жить, но среда исчезла».

Посадки 1982—1983 годов добились диссидентское движение и надломили многие характеры. Горстка оппозиционеров, державшая на своих плечах инфраструктуру диссидентства, устала быть героями. Когда перестройка откроет перед общественным движением новые возможности, большинство из них останется в стороне от активной деятельности. И те, кто вернутся к оппозиционной жизни, решатся на это после того, как неформалы сделают процесс необратимым.

РОЖДЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

«ОБЩИННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

ВЗГЛЯДЫ БОЛЬШИНСТВА неформальных лидеров формировались вне связей с диссидентским движением. В этом отношении история левых диссидентов важна, но для неформалов нетипична. Первому поколению неформалов приходилось конструировать взгляды, опираясь на доступную открытую литературу. Последовательность фактов, становившихся известными человеку, во многом определяла его дальнейшее развитие на весь период. Дальнейшие факты уже сортировались этой матрицей. Либеральная матрица ставила на первое место ценность индивидуальной свободы.

Если человек был шокирован информацией о «преступлениях против личности» времен сталинизма, то страх перед повторением террора и подавления индивидуальности перевешивал угрозы социальных бедствий. В этом случае главным злом становился коммунистический режим, искоренение которого решало важнейшие проблемы общества. Если же сначала человек приходил к осознанию, что советское общество не соответствует идеалам социального равноправия, обнаруживал социальные язвы на его теле, то главное зло виделось в социальном устройстве, как правило – в эксплуататорском бюрократическом классе. Эта логика вела к социалистическим убеждениям, противостоящим как сталинизму, так и либеральному западничеству. Этот второй путь мы рассмотрим на примере основателей группы «общинных социалистов», с которыми мы часто будем встречаться на страницах этой книги. Они важны для нас еще и потому, что развитие их группы относится уже не к предыстории, а к истории перестройки. Они оказались неформалами первого поколения, первоначально практически лишенными связи со старшими товарищами по общественному движению.

Система идей «общинного социализма» была выработана в дискуссиях двух студентов истфака Московского государственного педагогического института – Андрея Исаева и Александра Шубина, автора этой книги. Так что дальше я иногда позволю себе говорить от первого лица. В наших обсуждениях-марафонах часто участвовал наш одноклассник Владимир Гурболиков. Истфак МГПИ был одним из оазисов вольномыслия, каких было уже немало в первой половине 80-х. Высокое качество гуманитарного образования сочеталось здесь с демократизмом – МГПИ был гораздо менее элитарным вузом, чем МГУ, студенты были ориентированы на подвижническую профессию школьного учителя. Эта среда была сродни разночинской и отчасти народнической по своим господствовавшим ценностям и психологическим стереотипам.

Конечно, обстановка в МГПИ не была диссидентской, здесь существовал полный набор структур авторитарного контроля за умами, характерный для доперестроечного СССР. Но в то же время в самый разгар андроповского времени на истфаке велись публичные дискуссии об «азиатском способе производства», ставившие под сомнение официальную историческую схему, шла борьба между западниками и славянофилами, иногда выливавшаяся в открытые конфликты даже в профессорской среде. На этой благоприятной почве произрастали коммунарские, патриотические, либеральные плоды. Мы пошли по пути социалистической идейной традиции.

В становлении взглядов Андрея Исаева большую роль сыграл подпольный кружок, в котором он состоял с 1982 года, основанный юными радикалами Николаем Кузнецовым и Алексеем Василевским в 1979—1980 годах и постепенно принявший марксистскую ориентацию (при этом Николай Кузнецов был плехановцем и антиленинцем). После возвраще-

ния из армии Андрей Исаев, «радикализированный» армейской обстановкой, настаивал на активизации работы кружка. Подпольное сообщество получило политизированное наименование «Оргкомитет Всесоюзной революционной марксистской партии (ОК ВРМП)» и даже внедрило своего человека (бывшего однополчанина Исаева) на завод им. Ленина. Здесь члены кружка (прежде всего Алексей Василевский) читали некоторое время «подрывные» лекции (вскоре администрация быстро прекратила доступ лектора к рабочим). Одновременно ОК ВРМП даже выпустил программный бюллетень в единственном экземпляре (его давали читать сочувствующим).

К середине 1985 года двадцатилетний Исаев прошел идейную эволюцию, уже включившую несколько революций. Первые, еще детские свои политические пристрастия он характеризовал как стихийный анархизм, неприятие существующих порядков. Затем его увлекла стройность марксистского учения. Юношеский радикализм и темперамент придали марксизму Исаева левачью направленность. Он считал необходимым бороться с мещанством и капиталистическими чертами общества сверху. Однако в институте, общаясь с оппозиционно настроенными товарищами (Алексеем Василевским и Владимиром Губаревым), Исаев стал склоняться к идее революции против сложившегося режима.

Его оппозиционность укрепилась после призыва в армию. В 1983 году он считал, что в стране сложился диктаторский государственно-капиталистический режим, который может быть свергнут демократической социалистической революцией. По взглядам он был близок к идеям Владимира Ленина, изложенным в работе «Государство и революция». Идеи этого периода оценивались им позднее как антигосударственные, но и антианархические. В армии Исаев и его сослуживцы создали небольшой кружок, занимавшийся нелегальной пропагандой. Офицеры догадывались о его существовании и даже нашли секретную тетрадь с иносказательными записями оппозиционного содержания, но дальше устных обвинений в троцкизме дело не пошло¹⁵.

В качестве легальной трибуны кружок использовал комсомольскую организацию, которая в результате стала действовать как профсоюзная, отстаивавшая права солдат.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы служили в роте охраны. Дедовщины там не было, но была эксплуатация всей роты как таковой. Через день ходили то в караул, то на стройку. „Офицер“ очень „рвал“ перед начальством – ему что-то обещали за досрочную сдачу объекта. Выспаться не давали. Поэтому солдаты засыпали прямо на стройке, падали, опаздывали везде. И все это трактовалось как нарушения, а комсомольскую организацию заставляли выносить взыскания. Я был в бюро ВЛКСМ. И тогда комсомольское собрание, признав нарушение воинской дисциплины у очередного проштрафившегося, вынесло „частное определение“ в адрес командования части о том, что солдатские нарушения являются следствием нарушения устава офицерами. Это вызвало свирепую реакцию, мы некоторое время вообще не могли собрать комсомольское собрание. Активность свою нам пришлось свернуть, но и командование посылки на стройку прекратило»¹⁶.*

После возвращения из армии Исаев под влиянием Кузнецова на некоторое время увлекся Плехановым (не в ущерб авторитету Ленина). Одновременно он размышлял над проблемой бюрократизации рабочего движения, когда реальная власть от имени рабочих переходит в руки вождей. Исаев считал необходимым периодическое свержение вождей в

¹⁵ Ранняя эволюция взглядов А. Исаева описана им в беседе с автором и воспроизводится по записи 1986 года.

¹⁶ Исаев А. К. Беседа с автором 21 апреля 1998 года.

пролетарской партии. Но как избежать при этом расколов и распада организации? Ответ пришел с неожиданной стороны – обучаясь на историческом факультете, Исаев взялся готовить доклад о Сергее Нечаеве и задел тему бакунизма. Первое же знакомство с работами Михаила Бакунина показало, что этот теоретик решал как раз те проблемы, которые стояли перед Исаевым. По мере изучения бакунинских работ (начиная с фрагментов «Государственности и анархии», опубликованных в сборнике «Утопический социализм в России», и кончая собранием сочинений, выпущенным анархистами в 20-е годы) Исаев все яснее осознавал себя бакунистом. Первое время это не мешало ему считать себя также марксистом и ленинцем.

Возвращение Андрея Исаева спровоцировало острую дискуссию в ОК ВРМП, которая велась вокруг вопроса: «Могут ли рабочие контролировать государственный центр в социалистическом обществе будущего?»

Андрей Исаев привлек к спору в ОК ВРМП меня. Прежде ни в каких оппозиционных группах я не участвовал и представлял собой тип потенциального академического ученого. Мои однокурсники – участники ОК ВРМП первоначально не верили в возможность привлечения такого «научного червя» к оппозиционной активности. Однако научные поиски в это время как раз сделали из меня оппозиционера-одиночку, который жадно искал «братьев по разуму». Еще в школьные годы (в 1981—1982 годах) я пришел к некоторым крамольным выводам.

Из дневника А. Шубина, июнь 1982 года: *«Мы очень недалеко поднялись от того фундамента, который заложили Маркс, Энгельс и Ленин. А время идет, и старый фундамент начинает кое-где давать трещины...»*

Пытаясь рационально переосмыслить наследие классиков, превратить историю в точную науку, способную не только интерпретировать, но и прогнозировать события, я все в большей степени расходился с догматами официальной идеологии. Этому способствовали унаследованная от старших неприязнь к сталинизму, служба в армии, интерес к формационной теории, который очень быстро вывел меня на проблему бюрократии при социализме. Тогда же начались мои теологические поиски.

Из дневника А. Шубина, август 1982 года: *«... Я впервые точно сформулировал свое представление о возможности Высшего разума. Его существование совсем не исключается объективными законами развития природы и общества».*

Служба в армии способствовала быстрому развитию моих революционных настроений. Столкнувшись в армии с дедовщиной, я попытался применить революционную теорию на практике и создал подпольную организацию «молодых» против «дедов». Организация была раскрыта, и от серьезных травм спасло только то, что в этот момент меня в числе группы «строптивных москвичей» перебросили на другое место службы. Там история повторилась, но после нескольких драк все как-то улеглось. Я смог предаться научным размышлениям и даже написал курсовую работу. В армии я пришел к выводу о том, что для преодоления гипертрофии бюрократии в советском обществе необходимо разделение КПСС и создание двухпартийной системы. С этой, как потом оказалось, не оригинальной идеей я и вернулся из армии.

Андрей Исаев нашел во мне благодатный объект агитации, быстро разрушив его многопартийные иллюзии (две партии также будут бюрократическими). Для того чтобы начать разговор на «запретные темы», годился любой повод, любая тема, обсуждавшаяся на занятиях.

Вспоминает А. Исаев: *«Как я тебя вовлекал в подпольную работу? Да ты начал вовлекаться сам. У нас разгорелась дискуссия о „Государстве и революции“ Ленина. Мы шли по улице, и на какое-то мое замечание об этой вещи ты ответил: „Ну, „Государство и революцию“ вообще можно воспринимать как антисоветское произведение“. На что я подумал: „Ого, чувак мыслит в нужном направлении. Нужно продолжать вести с ним разъяснительную работу“.* После чего мы разговаривали где-то две недели, в основном на станциях метро. После чего я тебе сказал, что есть такая подпольная организация. Но тебя тогда волновала не столько организационная форма, сколько теоретическая дискуссия». Организационная форма тоже интересовала, но не подпольный кружок, а что-то более существенное.

Несколько позднее из армии вернулся еще один будущий участник кружка В. Гурболиков. Он придерживался марксистско-ленинских взглядов, но с интересом относился к восточной культуре и религиозным поискам таких мыслителей, как Лев Толстой и Леонид Андреев. К тому же он побывал в Северной Корее, и потому был кладезем информации о крайних проявлениях марксистской практики.

Вспоминает В. Гурболиков: *«В армии у меня составилось четкое представление о том, что то, как строится общество здесь, – это совершенно неправильно. Что-то нарушено»¹⁷.*

Как мы видели, подобный же декабристский эффект – осознание неприемлемости «системы» во время службы в армии – был характерен и для других участников «заговора». Разумеется, не все люди приходят в оппозицию через армию, и не все, кто проходит военную службу, обязательно дозревают до социальных выводов, но во всяком случае армия в 80-е очень способствовала созреванию революционеров.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Я тогда воспринимал это в религиозных терминах. Во мне многое было намешано, но я верил в Бога как смысл всего. Формула моя была такова: „Наука дает ответ на вопрос „как?“, а религия задается вопросом „почему?“ Это была вера в Абсолют. Но религиозным человеком я стал во многом в результате размышлений о несправедливости мироустройства.*

Первым моим учителем был очень странный сверхсрочник Анатолий, который был верующим человеком. Мы с ним подружились, и он мне давал читать псалмы и официальные публикации на религиозные темы. Потом это стало известно КГБ, и стало предметом неприятного разбирательства.

Когда я вернулся домой, особенно после Кореи, я ждал контраста – после нищеты – богатства, после темноты – света, а увидел родственность двух режимов. Эта родственность ощущалась не только мною. Когда я переживал по поводу корейцев, заместитель парторга тихо так мне сказал: «А чего ты за них переживаешь, ты хоть знаешь, что у нас в стране творится?» Поскольку я служил в Ансамбле песни и пляски внутренних войск, я сталкивался и с КГБ, которое бдительно контролировало настроения среди выезжающих в командировки за рубеж, не останавливаясь перед провокациями. Сильное впечатление производили

¹⁷ Здесь и далее воспоминания В. А. Гурболикова записаны в беседе с автором 21 апреля 1998 года.

и картины тренировок внутренних войск, предназначенных для подавления волнений. Поэтому я не думал, что систему можно будет относительно бескровно победить. Но именно благодаря этому я не мог симпатизировать такой системе и стал таким стихийным анархистом».

После возвращения из армии Гурболиков знакомится с «подпольщиками» как бы вторично, поскольку до армии он был хорошо знаком лишь со мной. Мы участвовали в историческом кружке, где обсуждался «азиатский способ производства», и вместе писали тогда пьесу о Сальвадоре Альенде.

В. Гурболиков играл на гитаре и пел. Его пение было украшением студенческих посиделок, на которых «подпольщики» осторожно пропагандировали оппозиционные идеи. Песни, под стать идеям, тоже были «подрывными» – из диссидентского цикла Булата Окуджавы, из времен гражданской войны, из казспэшного репертуара. Участники кружка интересовались и рок-культурой, но здесь их привлекало прежде всего оппозиционное социальное содержание, поэтому любимой рок-группой был «Облачный край». Кружок общения, созданный троицей, был весьма притягателен как место духовного общения студентов и критического обсуждения советской действительности.

Вспоминает А. Исаев: *«Володя пригласил нас сам к себе домой после моего доклада о баптистах, потом приглашал несколько раз. В конце концов мы даже заподозрили, а не является ли он агентом КГБ, и потребовали, чтобы он дал честное слово, что таковым не является. Он категорически отказался, чем вызвал новые подозрения. Но потом мы решили, что Володя – не гебист. Кагебэшники, по нашему мнению, дают слово, не моргнув глазом. „Я тогда посчитал, что давать такое слово – ниже моего достоинства“, – пояснил мне позже В. Гурболиков».*

Разговоры о КГБ не были шуткой или игрой. Все воспринималось достаточно серьезно.

В. Гурболиков вспоминает, *что после того как недоразумение выяснилось, друзья обсуждали перспективы своей подпольной работы и пришли к выводу о том, что скорее всего придется «пострадать за правду»: «Речь шла о красном терроре, о психиатрических репрессиях и о том, что может быть за то, чем мы занимаемся, даже за эти разговоры и чтение этих книжек. Они ушли, а я мыл на кухне посуду и ясно понял, что все очень серьезно, и что отступить некуда, что никуда уже не деться. Ощущение некоторой безысходности».*

В ноябре 1985-го – июле 1986 года приятели находились в состоянии ежедневных многочасовых споров. Этому способствовало то, что мы с Исаевым устроились работать в ночную смену на телевизионный завод «Темп», где можно было спорить ночи напролет. Проанализировав отечественное общество, друзья пришли к выводу о том, что оно не является социалистическим и советским, что в нем присутствует эксплуатация, и эксплуататорским классом является бюрократия. Впоследствии была создана соответствующая формационная теория, рассматривавшая роль бюрократии с древнейших времен.

Естественно, встал вопрос об альтернативе бюрократической диктатуре. Юные теоретики оставались сторонниками социализма, то есть посткапиталистического общества. В тот период подпольные мыслители социалистического направления обычно обращались к опыту революции в поисках первичной ошибки, которая привела к отклонению общественного развития от правильного пути и последующему перерождению революционной партии.

Спор в ОК ВРМП оказался весьма кстати. Исаев показал мне текст одного из участников дискуссии, в котором утверждалось: «Если управители начнут зарываться, то вооруженные рабочие дадут им по ушам». Я написал статью «К вопросу об ушах», сохранившуюся в моем архиве. В этот период подпольные теоретики еще искали пункт перерождения революционеров где-то после 1917 года, лишь постепенно выздоровливая от иллюзий, которыми общество будет болеть несколько лет спустя. Отдавая дань этому антисталинизму, я писал: «В ходе контрреволюционного (и совершенно закономерного) переворота 1923—1938 годов принципы бюрократизма укрепились настолько, что дальнейшее „битье по ушам“ 1953, 1957, 1964 годов имело лишь один результат – всем стало очевидно, что сколько по ушам ни бей, они все равно вылезут.

На первый взгляд, этот экскурс не имеет отношения к точке зрения тов. Неизвестного: там же речь идет о вооруженных рабочих. Но этой грозной силе, если она последует по указанному тов. Неизвестным пути, придется контролировать гигантский склад, в который все ввозится и все, что не сгнило и не растащили, распределяется. Тонкие и неимоверно сложные правила его функционирования знают лишь бюрократы, только этим и занимающиеся. Чтобы контролировать их, вооруженным рабочим придется выделить из своей среды тех, кто только тем и будет заниматься. Вскоре в их сторону из склада потянется им одним ведомая тропинка и они сольются с классом-собственником. Об этом красноречиво свидетельствует опыт 1920—1929 годов». По ходу написания этого текста дата начала перерождения сдвинулась с 1923 на 1920 год. Этот сдвиг указывает на направление эволюции, которое приведет к отказу от марксистско-ленинских рамок идеологии.

Мы с Исаевым под влиянием как собственных исторических штудий, так и работ Михаила Бакунина и Георгия Плеханова (а также разговоров с плехановцем Николаем Кузнецовым) пришли к выводу, что большевики были обречены на перерождение, что причина сталинской «контрреволюции» крылась в фундаментальных особенностях марксистско-ленинской теории.

В марте 1986 года, когда начались публикации о жертвах сталинизма – большевиках-ленинцах, каждый из которых верно служил Сталину до последнего вздоха, Исаев спросил: «Послушайте, а кто эти революционеры, против которых совершался переворот в 1934—1938 годах?» Ни Сергей Киров, ни прочие деятели сталинского политбюро под это определение не подходили. Николай Бухарин и тем более Лев Троцкий, которого участники кружка уже тогда считали предтечей Сталина, на эту роль также не годились. Дата «переворота» со всей очевидностью переносилась к началу 20-х. Но здесь нам пришлось остановиться перед монументом Ленина, работа которого «Государство и революция» во многом питала наши идеи. Пути Господни неисповедимы. Незадолго до разочарования в ленинской гвардии был совершен первый подкоп под фигуру, более фундаментальную, чем сам Ленин. Занимаясь историей I Интернационала, Андрей Исаев обнаружил, какими беспринципными методами Карл Маркс вел борьбу против Михаила Бакунина. Все это настолько напоминало сталинизм, что сработал привычный стереотип – здесь пахнет бюрократией. К февралю 1986 года марксова модель социализма была «разоблачена» как совершенно бюрократическая. Далее рука потянулась к философским и экономическим глубинам марксова учения. Если проработка марксистской философии привела меня к выводам, сильно расходящимся с философской концепцией классиков, то Андрей напал на золотую жилу ранних произведений Маркса и принялся разрабатывать теорию отчуждения. Это спасло престиж: основателя «научного социализма» в наших глазах хотя бы как большого

ученого вплоть до весны 1987 года, когда удалось с карандашом в руках прочитать «Капитал».

Авторитет Ленина в глазах членов кружка был окончательно разрушен после прочтения переданного В. Прибыловским «Архипелага ГУЛАГ» Александра Солженицына весной 1987 года. К этому времени мы уже не были и марксистами. Я принялся писать философскую работу «Ф. Энгельс и конец марксистской классической философии», которую потом зачитывал в пропагандистских целях участникам полуподпольных кружков. Я изобличал Энгельса в отступлении от философского монизма и историософских натяжках, по ходу формулируя собственные представления об основном вопросе философии, соотношении материи и психики, месте сознания в истории, отчуждении и других вопросах.

Таким образом, участники группы быстро прошли путь иллюзий, который официальная публицистика преодолевала в 1988—1991 годы. В то же время теоретики с истфака «отставали» от большинства диссидентской интеллигенции, поскольку продолжали оставаться социалистами. Впрочем, мы увидим, что либерально-западническая позиция также была проанализирована «общинниками» и отвергнута. Печальный опыт западнических реформ начала 90-х годов показывает, что отрицание либерального пути было небезосновательным.

В декабре 1985 года началась выработка модели «общинного социализма». В основе концепции лежала идея самоуправления. Оба «отца-основателя» пришли к выводу, что права трудящихся не должны опосредоваться ни бюрократией, ни буржуазией. Поскольку производство осуществляется коллективно, то и распоряжаться предприятиями должны коллективы (общины) трудящихся. Низовой ячейкой территориальной самоорганизации должна была стать община жителей начиная с собрания жителей дома. Эта идея вытекала из нескольких источников. Большое влияние на нас оказали «Ранние экономико-философские рукописи» Карла Маркса. Критика «отчуждения» была развита Исаевым при моем участии в концепцию преодоления отчуждения в самоуправляющемся коллективе. В 1987 году мы обнаружили, что эти идеи разрабатывались во множестве полуподпольных теоретических кружков. Мы были типичным явлением времени, и затем узнавали «братьев по разуму» по одному слову, своего рода паролю левых социалистов – «отчуждение».

Направление теоретических изысканий студентов истфака во многом зависело от учебной программы.

К каким бы занятиям они ни готовились, в центре внимания были возможности самоуправления и преодоления бюрократизма (позднее – и этатизма). В центре внимания оставались не только история, но и педагогика. Студентам повезло с преподавателем педагогики Н. М. Магомедовым, который устраивал экскурсии в различные экспериментальные школы и обсуждал на семинарах социальные темы.

Вспоминает А. Исаев: *«Еще Николай Михайлович (Магомедов – А. Ш.) любил ставить острые задачи. Он нас послал изучать религиозных детей. Я тогда попал в молитвенный дом к баптистам и сделал на этот счет несколько сообщений, – вспоминает Андрей Исаев об осени 1985 года. – А потом мы ходили в „интересную“ школу на Бронной. Там были бассейны, столы с подогревом, УПК в Государственном радиокомитете и КБ. Мы напоролась на то, что большая часть детей была из привилегированных семей. Предложили Д. Олейникову сделать доклад об элитарной школе и использовали его обсуждение для постановки вопроса о неравенстве в нашем „социалистическом“ обществе».*

Исаев написал реферат о самоуправлении школьников, который (как и реферат Олейникова) занял призовые места на студенческих олимпиадах 1986 года. Он доказывал, что

школьников необходимо приучать к самоуправлению с детства. Эта идея соответствовала духу времени и могла помочь выйти в народ под благовидным предлогом педагогической работы. Весной 1986 года преподавательница школы № 734 обратилась к А. Исаеву (когда-то он учился в этой школе и жил по соседству) с предложением создать дискуссионный клуб «К человеку». Идея дискуссионного клуба как формы агитации уже обсуждалась «заговорщиками», и они приняли предложение. Работа клуба началась осенью. Весной Исаев читал в школе свой пропагандистский рассказ «Исповедь общественного насекомого», сравнивавший бюрократический социализм с муравейником, доклад о Сергее Нечаеве с намеками на коммунистов XX века.

Занимаясь педагогическими изысканиями, я подошел к проблеме самоуправления с другой стороны, нежели Исаев. Культурные стереотипы нынешнего авторитарного общества передаются по наследству от поколения к поколению. Я пришел к выводу о необходимости создания воспитательных коллективов, основанных на передовых достижениях педагогики. В реферате, посвященном этой теме, я писал, что «общественные учреждения должны интегрировать семью в союзе с коммуной путем здорового свободного соревнования».

Педагогическая община (коммуна) должна была стать авангардом социально-культурной трансформации общества. По мнению юных педагогов, социальные изменения должны были идти рука об руку с формированием нового сознания, культурной адекватности нового поколения новым отношениям. Как показали последующие события, этот элемент нашей идеологии оказался вторичным, и «общинники» были готовы бросить свою теорию в массы до того, как сформирован культурный слой, способный адекватно воспринять эти идеи. Педагогические эксперименты воспринимались нами как вспомогательное направление, поскольку социальная система была враждебна неказарменной педагогике и неизбежно разрушила бы ее очаги. Социально-политическая революция должна была расчистить место и для педагогических инициатив. (По окончании революционных событий конца 80-х – начала 90-х я вернулся к идеям педагогического поселения как анклав будущего социального устройства, участвуя в работе общины «Китеж».)

Пока теоретики вели поиск модели общества, которая могла бы обеспечить демократические и справедливые отношения в масштабах целой страны, а не одного «детского дома». Это должно было быть общество (социум), в котором будет отсутствовать господствующая олигархическая группировка, общество, контролируемое не олигархией (феодальной, буржуазной или бюрократической), а объединениями (сообществами, социумами) тружеников. То есть социализм.

В поиске ответа на вопрос о том, как может быть устроено новое социалистическое общество, как можно избежать перерождения, которое постигло прошлую попытку достичь такого общественного устройства, сыграли большую роль профессиональные интересы молодых историков. Изучение народнических идей и практики общинного самоуправления убедило нас в преимуществах общинного социализма для России (тем более что против этого не возражал и Маркс). Оба юных теоретика поддерживали идею рыночного социализма, но Исаев в большей степени склонялся к поддержке рыночных механизмов, а я – регулирующих, и даже предложил идею демократического планирования, когда все население и предприятия сдают информацию о своих потребностях и способностях в единый банк информации, специалисты которого вырабатывают единый план путем калькуляции этих данных. Исаев относительно быстро разрушил эту модель, показав, что точное описание свойств потребительской продукции в таких масштабах невозможно, оценка качества продукции спорна, а изменение потребностей во времени приведет к навязыванию потребителю ненужного ему продукта. Позднее, в 1987 году, «общинные социалисты» познакомились с работами Я. Корнай, подтверждавшими выводы Исаева.

В январе – феврале 1986 года Исаев склонялся к идее немедленной ликвидации бюрократической надстройки и революционного перехода к свободной конкуренции коллективизированных предприятий. Я категорически воспротивился этому, указывая на социальные последствия быстрого перехода к свободному рынку – расслоение коллективов, разорение предприятий, безработица и так далее. В этот период дискуссия больше всего приблизилась к либеральным выводам. Но не надолго.

В рукописи 1988 года я вспоминал по неостывшим следам событий, что тогда «засел за литературу о западных странах. Бюрократизм, психическая эксплуатация человека, подавление инакомыслия и, что самое главное, – неспособность решить проблемы стран третьего мира... Но одним стереотипом стало меньше – стереотипом принципиального отличия западной и восточной систем. Но стоило мне во время очередного спора начать резко критиковать капиталистическую систему, Андрей тут же согласился и перешел к другому вопросу. Мне даже стало обидно – оказывается, все это время он прорабатывал тот же вопрос».

В начале 1986 года мы согласились, что социализм будущего будет рыночным, но рынок при этом должен быть не свободным, а регулируемым. Самоуправляющиеся коллективы трудящихся и организации потребителей должны предварительно согласовывать свои интересы. Для таких согласований необходимо было бы создать федерации жителей (потребителей) и производителей (поэтому члены группы часто идентифицировали себя как «федералисты»). Для того чтобы система была работоспособной, Исаев предложил бакунинскую систему делегирования – формирование вышестоящих органов из делегатов нижестоящих с правом отзыва и императивным мандатом. Этот своего рода постоянно действующий референдум организованных групп был призван «растачить» корпоративный интерес бюрократии на интересы нижестоящих организаций и в то же время скоординировать их. Чтобы каждый орган был достаточно компактен и работоспособен, система предполагалась ступенчатой. (Несколько позднее выяснилось, что подобным образом были устроены Советы первых лет революции (хотя им не хватало стройности, что, по мнению «общинных социалистов», стало важнейшим фактором перерождения советской системы), да и вообще любые федеративные органы. С этого времени система делегирования стала одной из ключевых идей «общинников».)

Осознав себя в качестве рыночных социалистов, подпольщики начали изучать все, что можно было достать о восточноевропейских теоретиках рыночного социализма Э. Карделе и О. Шике. Но основное внимание обращалось на наследие народников, и прежде всего Михаила Бакунина. Это, впрочем, не означает, что все идеи, почерпнутые из литературы, принимались будущими «общинниками». Даже Бакунин, в наибольшей степени повлиявший на их взгляды в этот период, воспринимался критически и выборочно. Его революционная тактика и поэтизация революционного взрыва были признаны устаревшими. Это неудивительно, поскольку одновременно шло изучение практики российской революции. Философские поиски шли с учетом наследия Бакунина, но не в рамках его выводов. В то же время Бакунин завораживал яркостью образов и лозунгов, непривычным свободомыслием, поэтикой свободы. Даже не соглашаясь с ним, ему хотелось подражать, обрубая марксистские корни своих взглядов.

Еще зимой Исаев склонял меня к тому, чтобы присоединиться к ОК ВРМП. Весной 1986 года он пригласил меня на семинар ОК ВРМП, посвященный философии Э. Ильенкова. Но поскольку в марксистской философии я уже разочаровался, то и к участию в ОК ВРМП интереса не проявил. Бакунистские поиски Андрея Исаева также не вызвали поддержки в ОК ВРМП, и центр тяжести его теоретической работы переместился в микрокружок, состо-

явший из нас двоих и Гурболикова. Мы ходили по Москве, сидели в кафе и обсуждали проблемы общества, социализма, возможности политической деятельности в СССР.

Перенос активности Андрея Исаева вне ОК ВРМП привел к фактическому развалу этой организации. Часть ее членов углубленно занялась философией, А. Василевский и В. Губарев позднее участвовали в общинно-социалистическом движении. Мы с Исаевым продолжали свои ночные споры на заводе «Темп».

По выражению нашего напарника, мы напоминали братьев Стругацких, которые решили, что их роман ляжет в основу государственного устройства. (Точнее сказать, безгосударственного.) Это было своего рода сражение антиутопий, в котором мы не скупились на ярлыки. В конечном итоге позиции заострились настолько, что мы начали обвинять друг друга в ужасных замыслах порабощения трудящихся самыми разными новыми классами. Когда под утро я предложил некий выход из тупика, разгоряченный Исаев вскричал: «Это экономический маразм!» Взбешенный, я поехал домой и начал собирать материал в подтверждение своей версии. Но Андрей опять разочаровал меня. Когда, готовый к бою, я встретился с ним днем, Исаев сообщил, что, пожалуй, мы достигли консенсуса.

Суть разногласий, которые 23-25 июля 1986 года чуть не привели к разрыву между друзьями, заключалась в принципе построения координирующих органов. Исаев склонялся к идее преобладания отраслевых органов координации, подобных профсоюзам (синдикализм), а я считал предпочтительной территориальную координацию (коммунализм). Ответственной была и критика друг друга: я обвинял Исаева в намерении заменить государственную бюрократию профсоюзной, а Исаев меня – в стремлении насадить коммуны с натурализированным хозяйством. Выход был найден в сетевой структуре, когда каждый коллектив входит как в отраслевую, так и в территориальную федерацию, но при стремлении к формированию территориально-производственных комплексов (это должно было обеспечить демократический контроль за экономикой со стороны населения, ограничить глобализацию рынка и со временем сделать размещение производства более рациональным).

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

В НАЧАЛЕ 1986 ГОДА были разработаны и основные тактические идеи «подпольщиков». Авторы идеи чувствовали себя робинзонами в бескрайнем океане СССР. Необходимо было распропагандировать еще несколько человек, чтобы можно было создать агитационную группу.

Ключевой методикой пропаганды считалась ломка стереотипов, то есть разоблачение основных мифов официальной идеологии с постепенным заполнением образовавшегося вакуума альтернативными идеями.

«Отцы-основатели» перешли к осторожной агитации на семинарах, ломая стереотипы под видом академических дискуссий. Наступление на официальную позицию нравилось студентам, и молодые радикалы приобрели первую популярность, пока в качестве удачливых спорщиков с преподавателями. Одновременно троица искала организационные формы выхода из подполья.

Атмосферу дискуссий между приятелями передает листок бумаги, на котором друзья обсуждали во время семинара по педагогике проблему школьного дискуссионного клуба, вкрапляя в невинную тему намеки на вопросы, обсуждавшиеся во время «подпольных» разговоров:

«Гурболиков. *Что такое школьный клуб как новая форма внеурочной работы?*

Исаев. *Ничего принципиально нового нет. Детские коммуны в стиле Иванова – то же самое (имеется в виду коммунарское педагогическое движение. – А. Ш.). Разница в том, что он при школе в соответствии с традициями и потребностями данной школы.*

Гурболиков. *Понимаешь, нужно точно определить, что мы имеем в виду. А то все формы работ – кружки и так далее – перечислены, ясны, разбиты в пух и прах, а что же, собственно, предлагается взамен конкретно?*

Шубин. *Конкретно – синтез их всех, а не сумма...*

Исаев. *Никому Магомет (преподаватель педагогики Магомедов. – А. Ш.) ничего сказать не дает. Всех вас он изведет под корень! (Справедливости ради надо отметить, что Магомедов покровительствовал «подпольщикам», и фраза Исаева связана с минутной ситуацией на семинаре. – А. Ш.) И вообще, «не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиньями, дабы они поворотившись к вам не растерзали вас». (Имеется в виду предложение Шубина изложить «общинную» идею в виде педагогического реферата. – А. Ш.)*

Гурболиков. *Шура! А может быть, пророк Исайя прав? И нам стоит объявить политическую стачку и отказаться от публичного чтения рефератов? Как истинные борцы, мы должны занять самую решительную, революционную позицию! Нет буржуазному либерализму! Нет кунинско-oleyниковской реакции и тоталитаризму Горского (Е. Кунин, Д. Олейников, В. Горский – приятели «подпольщиков» по группе, скептически относившиеся к их «подрывной» активности. – А. Ш.)! Ура! За Родину! Вперед!!!*

Шубин. *Исайя не пророк. Политическая стачка исчерпала себя в 1979 году (в Никарагуа), на данном этапе – мы все вместе – не истинные борцы – леваков – на мыло...*

Исаев. *Пророк не роскошь, а средство социального продвижения – политическая стачка неисчерпаема как средство борьбы, но в данном случае неуместна. Вам обоим надо выступить, но в стиле: мы вскрываем проблемы и указываем основные пути разрешения. Никаких конкретных форм назвать не можем, да и не нужно (к ним привяжутся, а не в этом суть)... Горский очень опасен, с идеей клуба он знаком от меня, считает его практическим воплощением бакунизма. Видимо, будет драться...»*

Последние слова относились уже не столько к школьному клубу, сколько к более общей идее дискуссионного клуба, который «революционные борцы» хотели создать для перехода к открытой агитации.

Было решено создать дискуссионный клуб, на котором легально обсуждать общественно-политические проблемы, постепенно прощупывая рамки дозволенного. Затем планы «революционеров» пошли дальше. При клубе необходимо было создать лекционное общество (ЛО), через которое агитаторы группы могли бы вести работу с рабочими и служащими. По мере успеха этой работы предполагалось создать трудовые общественные союзы (ТОСы) и развернуть с их помощью оппозиционную работу по образцу польской «Солидарности» – с демонстрациями, забастовками и так далее. Вся система некоторое время именовалась «Лотос». «Лотосы» должны были создаваться и в других городах страны, в результате чего должна была возникнуть всесоюзная организация.

Юные теоретики считали, что параллельно в условиях кризиса возникнет вооруженное движение против коммунистов («Антибюрократическая армия»), к которому «Лотос» не должен присоединяться, но которое может стать важным аргументом в давлении на власти (тактика либералов и умеренных народников в период народовольческого террора). Ненасильственный характер предполагавшегося оппозиционного движения сначала был обусловлен тактическими соображениями, осознанием мощи репрессивного аппарата, но позднее, в ходе философских дискуссий 1987 года, идеологи движения пришли к выводу, что ненасилие – дело принципа и что насильственное социалистическое движение приведет к тоталитарным результатам. Также предполагалось, что после первых успехов ненасильственной революции коммунистам удастся одержать победу. Основываясь на опыте революций в России, Никарагуа и Польше, молодые леваки полагали, что в ходе первого натиска удастся создать систему связей между различными гражданскими движениями и добиться большего уровня свободы, чем до революции. Это позволит затем перегруппироваться в полуподпольных условиях и нанести режиму окончательный удар где-то на грани веков.

Самое удивительное, что тактическая схема 1986 года была частично осуществлена. Во второй половине этого года был создан дискуссионный клуб и началась агитация, тогда же я начал работать в обществе «Знание», под прикрытием которого в 1986—1989 годах провел несколько сот лекций оппозиционного содержания на заводах и в учреждениях Тимирязевского района Москвы (в 1989—1993 годах жители этого района устойчиво голосовали против коммунистов). Союз оппозиционных социалистических политклубов был создан в 1988 году. В 1987-м началась пропаганда на предприятиях. В 1989-м установились устойчивые связи с рабочим движением. В 1988—1989 годах оппозиционное движение, в котором «общинные социалисты» играли одну из ключевых ролей, стало массовым. По счастью, не возникло никакой «Антибюрократической армии». Зато в части свержения коммунистического режима оппозиционеры даже переусердствовали. Впрочем, бюрократический режим, изменив форму, устоял.

Пока «общинные социалисты» продумывали стратегию создания революционного движения «из себя», старшие товарищи принялись формировать гражданское общество из того, что было.

КЛУБ СОЦИАЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ формирование гражданского общества было успешно завершено, его элементы должны были соединиться в целое. Соединить их могла только политизированная структура, переплетающая в единый травяной покров корни пробивающихся к небу травинок. Поле гражданского общества нужно было собрать воедино.

Эту задачу взял на себя Клуб социальных инициатив, возникший в Москве в сентябре 1986 года. Клуб не мог не возникнуть, так как для него созрела социальная ниша. Символично, что при его рождении в качестве повивальных бабок присутствовали практически все такие разные общественные течения: самое древнее неполитическое неформальное движение – коммунарское, осколки диссидентства, социологическая наука и даже «компьютерная революция». Точкой, где им суждено было сойтись, сначала стал Арбат.

М. В. Малютин рассказывает о Клубе социальных инициатив: *«Началось все с того, что на Арбате была создана в 86-м году эта пешеходная зона... И это самим фактом своего возникновения создало некую новую среду для общения»¹⁸.*

¹⁸ Рассказ М. В. Малютин о Клубе социальных инициатив // www.igrunov.ru (<http://igrunov.ru>)

Здесь закипели дискуссии на темы культуры (пока без явного оппозиционного содержания). Рядом находился «красный уголок», где по инициативе программиста С. Патчикова был создан компьютерный детский клуб «Компьютер» на базе районного детского клуба «Наш Арбат». Компьютеры предоставил Гарри Каспаров, купивший их после очередного матча с Анатолием Карповым. Это было первое в Москве скопление персональных компьютеров, доступное простым гражданам. Никакой политики в этом начинании пока не было. Программисты писали программные продукты, дети осваивали первые виртуальные игрушки. Но в удобно расположенный клуб стали заходить люди, искавшие общественного «дела». Так сказать, «на огонек». Образовалось несколько секций клуба «Наш Арбат» – компьютерная, театральная, художественная.

«Там собирались всякие новаторы – педагогические, общественные»¹⁹, – вспоминает математик и социолог Григорий Пельман.

Пельман пришел в «Наш Арбат» по компьютерной линии – у него был один из первых в Москве ноутбуков, подаренный знакомым швейцарским математиком О. Парно. Профессор Парно был троцкистом, и через него к Пельману стали приезжать французские троцкисты, готовые работать на дело русской революции. Сначала они привозили антисталинскую литературу, затем стали знакомить неформалов и левых диссидентов.

Г. Пельман вспоминает: *«У была интересна картотека, они вели мониторинг западной прессы, приходили и говорили: „А ты знаешь такого Кагарлицкого?“ – Отвечаю: „Нет, не знаю“. – „Давай, мы тебя познакомим“²⁰.*

Троцкисты контактировали с кругом «Поисков», от которых теперь остались посиделки на квартире М. Гефтера. Вероника Гарос («Веро») познакомили Г. Пельмана с Б. Кагарлицким и Г. Павловским. Павловский «подтянул» в Москву своего старого товарища В. Игрунова.

Вспоминает Г. Павловский, *который был в то время связным с кругом либеральной интеллигенции, собиравшимся у Гефтера: «Квартиру тогда посещали Левада, Шейнис, Лен Карпинский и другие будущие участники клуба „Московская трибуна“. С соблюдением всех правил конспирации стал наведываться Юрий Афанасьев – с качестве связного от советника Горбачева Черняева, за которым стоял Александр Яковлев. Через квартиру Гефтера прокручивались вопросы, интересовавшие либеральное крыло Политбюро, включая Горбачева, – например, нужно ли выпускать фильм «Покаяние». Из участников обсуждения фильма не видел никто».*

Кагарлицкий к этому времени воссоздал небольшой кружок, собиравшийся в камерке лифтера – новом месте его работы. Туда ходил М. Малютин, кандидат в члены КПСС. В «лифтерку» заходил В. Корсетов, студент-историк, работавший на заводе и потому располагавший реальными знаниями о производстве. Впрочем, у него были и свои выходы на диссидентскую среду. Общими знакомыми кружок в «лифтерке» был связан и с другими кружками подобного рода. Кагарлицкий, благодаря своему знакомству с Р. Медведевым и некоторыми зарубежными социалистами, интересовавшимися судьбой бывших «молодых социалистов», получал тамиздат, что привлекало к нему «ищущую» интеллигенцию.

Приход бывших диссидентов обогатил Клуб социальных инициатив политическим опытом. Но клуб стал не новой диссидентской группой, а организацией нового типа. В отли-

¹⁹ Рождение неформального движения. Беседа В. Игрунова и Г. Пельмана. // www.igrunov.ru <<http://igrunov.ru>>

²⁰ Там же.

чие от лидеров других группировок, появившихся в это время, клуб поставил своей задачей не убедить остальных в своей правоте, а перезнакомить «неформалов» между собой, создать сеть координации общественного движения.

По-настоящему Клуб социальных инициатив начался с горы писем.

Один из основателей клуба Глеб Павловский вспоминал: *«Первое, что я увидел, когда вошел, – это была гигантская куча писем. Для меня как для диссидента и человека с историческим образованием это было очень сильное впечатление. Советская власть тщательно оберегала нас от писем трудящихся. Это был охраняемый стратегический ресурс. Я кинулся к этим письмам. Над ними уже трудился Боря Кагарлицкий».*

Эти письма имели такую историю. В рамках политики «нового мышления» был создан официальный Фонд за выживание человечества с участием Велихова. Горбачевцы подумывали, что это будет площадка сближения с США, туда записали множество официальных деятелей двух стран, включая американских сенаторов и академика Андрея Сахарова. В рамках этого фонда планировалось поддерживать всякие творческие начинания. В частности, была высказана для обсуждения идея строительства города будущего – как бы он мог быть устроен. Вот в рамках этих обсуждений новосибирский энтузиаст поддержки балета Геннадий Алференко написал статью, которая даже привлекла внимание Горбачева.

Точнее, сначала статья попала на глаза Раисе Горбачевой, которой понравилась идея поддержки социальных изобретений, высказанная в статье. Михаил Горбачев поддержал создание при «Комсомольской правде» Фонда социальных изобретений. Алференко оперативно создали возможности для работы в Москве.

Фонд социальных изобретений мог стать структурой отбора идей, лабораторией реформ, привлекающей интеллектуальный потенциал местных энтузиастов, а возможно – и центром выстраивания структуры гражданского общества, лояльной Горбачеву. Но не стал. Во-первых, Горбачев вообще мало заботился о создании своей партии за пределами КПСС (что станет одной из причин его дальнейшего поражения). Во-вторых, Алференко оказался непригодным человеком для сложных политических игр. Он сторонился «опасной» политики, предпочитая бизнес. «В 1987 году он ходил вокруг встречи неформалов в клубе „Ударник“, но войти в здание так и не решился» – вспоминал позже Г. Павловский. В следующий раз Алференко влез в политику только в 1989 году, участвуя в организации американского турне Бориса Ельцина²¹. А в 1986-м официальная структура Алференко не взяла на себя миссию поддержки социального изобретательства, которая могла бы придать его фонду исторический смысл, и история протекла мимо официальных структур.

Письма, пришедшие в ответ на статью Алференко в редакцию «Комсомольской правды», хотелось как-то обработать – а вдруг там содержатся какие-то интересные «социальные изобретения». Алференко не стал этим заниматься, собственных сил для этого в редакции не было, и тогда обозреватель Валерий Хилтунен²², который знал цену таким письмам, решил передать их социологам-неформалам. Они перетащили на Арбат семь пятидесятикилограммовых мешков с корреспонденцией «Комсомолки».

²¹ Суханов Л. Три года с Ельциным: Записки первого помощника. – Рига, 1992. – С. 87.

²² Валерий Хилтунен прошел путь от юного участника коммунарского педагогического движения до матерого журналиста «Комсомолки». До сих пор неутомимый Хилт разыскивает различные проявления общественной активности и рассказывает о них другим. (См. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. – С. 526—527.)

Вспоминает Г. Павловский: *«Хилтунен всю жизнь искал ростки нового и их поддерживал. А лучший способ поддержать – это об этом написать. Тут пришел вал писем. Что с ними делать? Хилтунен предложил „Нашему Арбату“ взять письма на обработку. Компьютерщики на каспаровской технике занимались компьютерным обучением, значение которого мы тогда не очень понимали, а неформалы разбирали письма. Мы читали эти письма, группировали их. Я выходил через них на различные группы». Пельмана как социолога увлекли письма, и Хилтунен мог с чистой совестью заняться еще чем-нибудь интересным. Дело потянул Пельман, который создал в «Нашем Арбате» секцию по обработке писем.*

Письма открыли «отцам-основателям» Клуба социальных инициатив бескрайний мир народной инициативы. Подавляющее большинство инициатив, вышедших тогда на клуб, представляли собой или типичные группы старого неформального движения, которые не желали политизироваться и просто хотели обзавестись контактами в Москве. Было много людей с идеями-однодневками или не социальными, а техническими изобретениями вроде необходимости высаживать строевой лес вдоль железной дороги, чтобы можно было спиливать и загружать его с помощью специальных поездов. Большинство авторов писем не были готовы бороться за воплощение своих идей в жизнь и тем более рисковать ради этого. Как только выяснялось, что речь идет об оппозиционной политической деятельности, респонденты прекращали контакт. Но и в этих условиях коэффициент полезного действия работы с письмами был очень велик. Они позволили создать костяк широкой системы контактов. На эту сеть инициативные люди уже выходили сами через общих знакомых и по собственной инициативе.

Клуб на Арбате унаследовал социальную микросреду неформального движения, которая разительно отличалась от диссидентской.

Г. Павловский вспоминает: *«Разница между диссидентской и неформальной средой для меня была абсолютной. Когда в 1986 году я обнаружил неформальную среду, для меня это был совсем другой мир. В философии диссидентства сама возможность существования этого мира исключалась.*

В 1986 году я нашел живое опровержение характерной для диссидентства концепции противостояния – живую среду вне этих двух полюсов, претендующих на монополию. Эта среда была третьей и не нуждалась в том, чтобы позиционировать себя в отношении двух других. Причем было очевидно, что она существовала уже долго, не первое десятилетие».

Приход бывших диссидентов, отрицавших традиции диссидентства, предопределял изменение характера работы. Политикам было тесно в «Нашем Арбате». «Мотивом создания Клуба социальных инициатив был распад клуба „Наги Арбат“ в его прежнем качестве. Каспаров выбил помещение для клуба „Компьютер“, он переезжал. А чем должен был остаться клуб „Наш Арбат“? Районным культурным очагом с шестидесятилетним налетом. Ах, Арбат, мой Арбат. А хотелось политически укрупнить это дело». Словосочетание «социальные изобретения» преобразовалось в политическое «социальные инициативы». В этой метаморфозе тоже чувствуется политический подтекст. Мы не изобретатели, мы собиратели инициативных групп и их идей.

Первое свое мероприятие клуб провел в октябре 1986 года – это было обсуждение проекта закона о кооперативах с приглашением видных социологов из Советской социологической ассоциации – Т. Заславской и Л. Гордона (у которого Г. Пельман был аспирантом). «Они легко откликнулись, пришли, и с этого началась у нас большая дружба с Советской социологической ассоциацией. Это тоже была большая самостоятельная история, и это был наш большой зонтик»²³. При обсуждении приходилось пользоваться эзоповым языком. «Что будет, если джинн выйдет из бутылки?», – ставила вопрос Заславская, имея в виду то ли рыночную стихию, то ли общественное движение.

Сопредседателями клуба стали Г. Пельман, Б. Кагарлицкий, М. Малютин и Г. Павловский. Президентом стал Пельман.

Вспоминает Г. Павловский: *«Но президент был аксессуаром клуба, не имевшим дополнительных прав. Мы ходили в ноябре в райком и потребовали помещение для клуба. И с нами разговаривали. Нам дали возможность собираться в зальчике на Волхонке. Мы чувствовали себя в своем праве – как советские люди».*

Клубу помогли и связи Пельмана с президентом Советской социологической ассоциации Татьяной Заславской, у которой он когда-то учился. Она стала патронировать клуб. Г. Пельман вспоминает: «Мы вели себя очень непринужденно, используя наш контакт с Советской социологической ассоциацией, часто заходили в разные райкомы комсомола и райкомы партии, говорили: „Мы за перестройку, мы за гласность, мы хотим работать, дайте нам помещение“. И тогда Ленинский район, райком партии, предоставил нам возможность проводить наши мероприятия в Доме культуры „Промстройматериалы“ на Волхонке, где сейчас музей Глазунова... Надо сказать, что помещение – это был в то время основной ресурс»²⁴. Еще одно полуподвальное помещение было у клуба в детском клубе, куда перешел работать Пельман.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«В это время мы не осознавали, насколько по-разному смотрим на проблему. Оба хотели, чтобы была какая-то точка общения, которая способна приманивать людей определенного типа и создать более широкую общественную среду, открытую на границе легальности и нелегальности. Это позволило бы затягивать и статусную интеллигенцию типа академика Заславской, и люмпен-интеллигенцию, вытесненную из официальной системы, вроде меня. В итоге я хотел создать что-то вроде польского КОС-КОРа, чтобы выйти на широкие массы, уже не чисто интеллигентские. Статусная интеллигенция может собрать людей легально, а мы – взять на себя организационную работу. Параллельно велась работа такого же плана клубом друзей журнала „Эко“, где инициатива исходила как раз от статусных. Из этого в 1987 году выросла „Перестройка“. Я хотел, чтобы это была сеть клубов социальных инициатив, которые не имели бы явной идеологической окраски. Люди должны были перезнакомиться на этом открытом месте. Что и произошло»²⁵.*

²³ Рождение неформального движения. Беседа В. Игрунова и Г. Пельмана. // www.igrunov.ru <http://igrunov.ru>

²⁴ Там же.

²⁵ Здесь и далее воспоминания Б. Ю. Кагарлицкого записаны в беседе с автором 30 октября 1999 года.

КАК ВОЙТИ В ИСТОРИЮ?

МЕЖДУ ТЕМ социальные инициативы рвались на поверхность общественной жизни. Летом развернулась оборона палат купца Щербакова и других зданий в Лефортове от разрушения в ходе строительства третьего транспортного кольца. Жители блокировали строительные работы, устроили в палатах музей, созывали сходы, апеллировали к властям разного уровня²⁶.

В этих событиях приняли участие и «общинные социалисты» с истфака МШИ. Это был их первый опыт публичной кампании. Особенно активно в защите палат участвовал В. Гурболик, который жил близ места событий.

Вспоминает В. Гурболик: *«Я увидел, что на старых домах появились таблички с историей дома, а затем узнал, что в бывшей пивной – с палатах Щербакова – засели люди, которые требуют, чтобы этот дом объявили памятником архитектуры. Лидерами движения были студент-журналист Рустам Рахматулин, Кирилл Парфенов и архитектор Олег Журин. Он был такой огневой активист охраны памятников, прорвался на телевидение, рассказал об угрозе Кузнецкому мосту и палатам Щербакова.*

Среди реставраторов я увидел своего знакомого, он рассказал мне о палатах. Я водил людей в соседние дома, рассказывая о них, а затем эти дома стали разрушать строители.

Я пометался в толпе, которая благодушно наблюдала за происходящим процессом разрушения, не нашел в них сочувствия и побежал в библиотеку к Андрею и Саше. Но, поскольку акция не была политической, я тоже достаточного сочувствия не нашел. Не революция же».

Вспоминает А. Исаев: *«В читальный зал ворвался разгоряченный Гурбол и стал рассказывать о Лефортове. Я читал что-то об отчуждении – очень важное. Выслушали мы Володю довольно равнодушно, после чего он ушел возмущенный со словами: „Желаю успеха, господи!“*

Ситуация напоминала сюжет анекдота, который Исаев придумал про классиков. Бакунин зовет Маркса и Энгельса на баррикады, а они выпроваживают его со словами: «Он так и не понял, что настоящая революция происходит именно здесь» – и продолжают писать фолианты. Долго играть такую противоестественную роль Исаев не мог, и по здравом размышлении «политики» решили все же помочь движению «культурников».

Вспоминает А. Исаев: *«Мы стали продумывать возможности политической поддержки – решили составлять петиции».*

«Подпольщики» работали на субботнике лефортовцев, участвовали в составлении документов, в частности обращения к Борису Ельцину. Этот первый опыт петиционной активности уже несет на себе следы таких тактических приемов федералистов, как стремление столкнуть одни группировки бюрократов с другими, апелляция к историческим и экологическим ценностям.

В моем архиве сохранилось это письмо в Московский городской комитет КПСС: *«Как и все советские люди, мы с глубоким удовлетворением восприняли решения XXVII съезда КПСС. Запомнились нам и ваши слова о*

²⁶ См. также: Яницкий О. Битва за Лефортово // Москва: город и человек. – Вып. 2. – М., 1989.

том, что вопрос о сохранении архитектурного исторического лица Москвы является вопросом политическим.

Однако последние месяцы показали, что многие градостроители ведут себя так, будто бы не было XXVII съезда. Складывается ощущение, что проект строительства нового автокольца разрабатывался так, чтобы нанести максимальный ущерб архитектуре Бауманского и Калининского районов... Нам кажется, что было бы целесообразно временно приостановить строительство автомагистрали и внести серьезные уточнения к проекту, которые позволили сохранить памятники архитектуры и экологически необходимую для района зеленую зону Лефортовского парка».

Ельцин приехал к палатам Щербакова, обещал помочь. Строительство было заморожено. Впоследствии активисты кампании создали группу «Слобода», которая стала союзником «Общины».

Участие «общинных социалистов» в лефортовской кампании было прервано в сентябре. Студентов по традиции того времени направили на принудительные сельскохозяйственные работы («на картошку»). Здесь теоретические поиски не прекращались.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Возникла своего рода Ланкастерская школа, когда студенты, прежде всего Исаев с Шубиным, читали лекции окружающим. Мне особенно запомнилась многодневная лекция о Китае, прочитанная ими. На самом деле это был разговор и о социализме, и об общественных отношениях вообще. Этот лекционный марафон позволил значительно пополнить багаж знаний, проговорить многие вещи. Это было время, когда мы могли свободно и спокойно, никуда не торопясь, помногу говорить об истории, революционном процессе, философских и религиозных вопросах. Я, в частности, именно здесь окончательно пришел к выводу о существовании Бога».*

Главные споры по-прежнему шли о возможном социальном устройстве будущего и о путях перехода от слов к делу. Возможность представилась быстро. Условия жизни студентов были, как всегда, казарменными, хотя и не хуже, чем в других подобных ситуациях.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Работали на какой-никакой технике, кормили нас более или менее нормально, поселили в летних домиках для пионерлагеря. Но хотелось чего-то большого, и любой недостаток воспринимался как повод потренироваться перед революционными боями».*

Для начала федералисты попытались назвать свою бригаду «провокационно»: «Бригада имени работы Ленина „Аграрные прения в третьей Государственной Думе“».

Тогда «юмористов» включили в женскую бригаду «Земляне» в качестве мужской рабочей силы.

Руководство лагеря, куда помимо либерально настроенного куратора М. Золотухина входило несколько назначенных администрацией студентов, воспроизвело привычные армейские отношения в области организации быта, работ и снабжения. Работала эта система с обычными в такой системе сбоями, что вызывало глухой ропот со стороны студентов. «Революционеры» решили, что на этой почве можно организовать трудовой конфликт. Дело это было для них новое и по тем временам рискованное (можно было вылететь из комсомола, а значит, и из института). Тем не менее «подпольщики» разагитировали свою бригаду «Земляне» (это было несложно, поскольку остальные члены бригады были девушками, которые находились под эмоциональным влиянием немногочисленных, но говорливых парней)

и добились согласия объявить забастовку. Организаторы стачки рассчитывали, что к ней присоединится и часть других бригад. Накануне в столовой они вывесили стенную газету «Аграрные прения», в которой критиковали отрядные порядки за схожесть с военными уставами и несоответствие КЗОТу: «Как знакомы отслужившим армию шаги назад от разумного порядка и демократизма к исходящей сверху дисциплине... Конечно, с нами советуется, выхватывая из гула голосов нужное решение. Не пора ли послушать членораздельную речь?» Главным требованием забастовщиков было создание делегированного органа студенческого самоуправления, который обсудил бы необходимые улучшения в жизни лагеря.

8 сентября бригада «Земляне» вышла на работы, но работать отказалась. Гурболиков выступил перед студентами с яркой речью о необходимых изменениях. Студенты сочувственно покивали, но все, кроме зачинщиков, все же разошлись по работам. Затем на место действия прибыл куратор М. Золотухин. От него зависело, доложить о происшествии в центр (что повлекло бы репрессии) или как-то решить дело миром. Он выслушал требования бастующих и преспокойно их удовлетворил.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Золотухину было абсолютно все равно, кто управляет, чем управляет».*

Следующие «Аграрные прения» вышли с торжествующим объявлением: «9 сентября расширенное заседание штаба отряда утвердило требования забастовщиков, в том числе и политический пункт: „Для организации постоянной связи между руководством отряда и трудящимися бригады имеют право выбрать своих представителей в штаб“. Совет отряда начал работать и, к удивлению скептиков, действительно принял ряд полезных улучшений на уровне здравого смысла. Низовая демократия доказала свою полезность.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Степень участия в такой демократической системе определялась желанием. Кто хотел, тот участвовал в принятии решений. Кто не хотел – тот не участвовал, доверял другим. Но в результате все равно действует инициативная группа. Самоуправление строится на том, что есть люди, которым это интересно и нужно. Для тех, кому сейчас это не нужно, управление все равно будет существовать. Но оно не будет независимым от них. Слава Богу, дело лагерного управления было несложным, не потребовало от нас больших усилий и не позволило наломать дров».*

Первый опыт самоуправления показал федералистам, что в современных условиях низовая демократия – это дело актива, который должен сознательно поставить себя в такие условия, когда он реально зависим от остальных и может быть ими смещен. «Общинные социалисты» не выступали против существования руководящей элиты, но искали возможность сделать ее подвижной, легко заменяемой в случае, если интересы элиты начинают заметно расходиться с интересами «низов», если возникает отчуждение.

Эти события привели к росту престижа смутьянов и их уверенности в своих силах. Одновременно «подпольщики» продолжали «антисоветскую» пропаганду, перлом которой стал роман-хроника А. Исаева «Сексуальная революция в Хавронино» – язвительный шарж на бюрократическую перестройку. Чтение текста заставляло студентов хохотать до упаду. Несколько лет спустя выяснилось, что «Сексуальная революция в Хавронино» – еще и провидение, предсказавшее события политической жизни 1988 года, связанные с письмом Нины Андреевой. Большой популярностью пользовались и анекдоты про классиков в стиле Хармса, например: «Как-то раз Маркс переоделся Энгельсом, а Энгельс – Марксом. И пошли гулять по Невскому проспекту. А навстречу им – Бакунин и Герцен. Тогда Маркс, который Энгельс, говорит Энгельсу, который Маркс: „Спорим, тот, который Бакунин, – не Бакунин вовсе, а переодетый Герцен. А тот, который Герцен, – не Герцен, а переодетый Бакунин“.

Маркс и Энгельс не знали, что Бакунин и Герцен были дворяне и не имели глупой привычки переодеваться друг в друга и писать одно и то же».

Во время работы на картошке в сентябре – октябре федералисты предприняли попытку свести воедино наработанные идеи в наброске программной работы «Принципы федерализма».

Вспоминает В. Гурболик: *«Мы попытались тогда написать что-то вроде своего „Капитала“, основанного на теории отчуждения и возможности его преодоления. То, что у молодого Маркса было названо и признано нами интересным, стало основой этой попытки создать свою общественную и историческую теорию. По-моему, там было много здравых вещей, логичная система. И проговоренность их, ясное понимание, очень помогло потом в пропагандистской работе».*

Эта работа не получила распространения из-за своей излишней академичности, но фиксирует состояние взглядов федералистов накануне начала ими публичных действий. В «Принципах федерализма» будущие «общинники» доказывали, что экономика вовсе не детерминирует сознание и идейно-политическую сферу, что существует равноправное взаимовлияние идей, системы власти и социально-экономических реальностей. На основе этого вывода они строили отличную от марксистской систему формаций – уже не общественно-экономических, а просто общественных. Первой эксплуататорской формацией оказывается бюрократическая. Новая бюрократическая формация возникает и на современном витке развития общества. В центре этой теории стояли понятия отчуждения и класса бюрократии. Маркс упоминается в этой работе еще в почтительном ключе. Анализируя процесс специализации, теоретики показывали неизбежность отчуждения и формирования классов, но также обосновывали и необходимость их преодоления в будущем. По их мнению, это зависело от реальных возможностей трудящихся участвовать в организации производства. В последнем тезисе заложены основы будущего «оппортунизма группы». Преодоление «отчуждения трудящихся от средств производства» (то есть переход от управления к самоуправлению) тормозится не только бюрократической элитой, но и отсутствием у трудящихся соответствующих навыков. Поэтому переход от эксплуататорского общества к социализму должен был, по мысли федералистов, происходить постепенно, даже если на пути этого перехода будут и революционные этапы.

В предназначенной для публичной агитации части своей программы федералисты выступали против бюрократизации управления и распределения, против того, чтобы «инициативу здесь перехватывало частное предпринимательство, опасно сплетающееся с коррупцией вышедших из-под контроля чиновников», а также за «такую модернизацию демократических институтов советского государства и аппарата управления, которая ликвидирует саму возможность их отчуждения от трудящихся», и за «тесное соединение трудящихся со средствами производства, выражающееся в непосредственной связи их реальных доходов, личного трудового вклада и успехов предприятия». Это были весьма умеренные требования. Но федералисты не собирались на них останавливаться.

К началу учебного 1986 года в МГПИИ сформировалась группа инакомыслящих студентов в несколько человек, стремившихся как можно скорее перейти к открытой общественной активности. Ядро группы составляли федералисты и несколько их одноклассников, в разной степени разгитированных «на картошке», а также члены ОК ВРМП с истфака А. Василюцкий, В. Губарев и примыкавший к ОК В. Тупикин. К группе примыкали также несколько девушек с филологического и романо-германского факультетов, с которыми революционеры познакомились «на картошке». От них ждали дальнейших действий. Студенты рвались в

бой. В октябре на истфаке было объявлено о заседании дискуссионного клуба «Социализм и демократия». Предстояла первая политическая акция.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ПОЛИТИКА МНОГОЕ БЕРЕТ от театра, от шоу. Она не может существовать без театрального пафоса и драматизма, без актерства и превращения масс в зрителей. И театр черпает сюжеты в политике. А в авторитарном обществе театр становится делом политическим. Эзопов язык театра – политическая сила. В 1986 году, когда границы разрешенного были неясны, а репрессивная машина еще готова к подавлению инакомыслия, неформалы решили использовать форму театра в интересах агитационного содержания политики.

Сразу после приезда студентов-историков в Москву с сельхозработ «общинные социалисты» организовали дискуссионный клуб исторического факультета МШИ имени В. И. Ленина и межфакультетскую стенную газету, которая каждый раз выходила под новым названием: «Айсберг», «Ледокол» и так далее. Центральным материалом первого выпуска газеты стал мой памфлет «Обыкновенный рашизм», направленный против консервативного педагога К. Раша, выступившего 21 октября с лекцией в МШИ. Через несколько лет против Раша выступила и большая пресса (журнал «Огонек» даже под тем же заголовком), но в 1986 году педагог-милитарист пользовался поддержкой партийных органов. В статье воинствующий консерватизм Раша сравнивался с нацизмом, взгляды характеризуются как реакционные и казарменные: «Вот он, идеал школы, какой там школы – всего общества – лучезарная казарма, стройные колонны и ряды, беспрекословное подчинение старшим».

Студентам удалось даже передать текст статьи самому Рашу с предложением дать ответ. «Ответ» последовал из партийных органов.

Оказывается, патриотический педагог не поверил, что статья инициирована студентами, и решил, что имеет дело с происками влиятельных врагов. «Нам сообщили, что Раш собирается отвечать на наш выпад в партийной прессе. Я помню, нам это очень польстило» – вспоминает В. Гурболиков. Но парторганизация истфака настаивала, чтобы дело уладили миром, что и было сделано при посредничестве студента-коммунара с физфака И. Колерова и журналистки О. Мариничевой. Они организовали телефонный разговор между редакторами «Айсберга-Ледокола» и их «жертвой». Раш заявил, что его оппоненты не представляют подлинную молодежь, каковую отождествил с воинами-«афганцами», с негодованием отклонил предложение опубликовать в стенгазете ответ, но от преследования обидчиков также отказался.

В передовице к газете предлагалось создать дискуссионный клуб. Чтобы обсуждение политических вопросов было как можно более откровенным и в то же время не повлекло за собой репрессий по линии партийных и комсомольских органов, инициаторы решили начать с театрализованной дискуссии. Мнения высказывались от лица не самого говорящего, а некоего образа. Первым шоу подобного рода стал «Суд над империализмом». Судебная коллегия, в которую вошли два члена КПСС и я, вынуждена была оправдать империализм «за недоказанность преступлений» после яркой защитительной речи адвоката Андрея Исаева.

Вспоминает А. Исаев: *«Моя задача была превратить процесс в суд над советской системой. В это время я считал, что буржуазная демократия была меньшим злом, чем советская система, но все-таки злом. Я строил защиту по принципу „зло, предотвращающее меньшее»*

зло“. Я сопоставлял ФРГ и ГДР, Северную и Южную Корею. Контраст разительный, хотя и империалистические системы не безгрешны»²⁷.

Поскольку западная система («империализм») не была идеалом «подпольщиков», они решили предложить студентам и конструктивную программу. Корректировка тематики клуба в социалистическом направлении совпадала с желаниями партийной организации – коммунисты еще не знали, что им предлагается в качестве конструктивной альтернативы капитализму.

В канун ноябрьских праздников 1986 года прошла театрализованная дискуссия «Социализм и демократия». «Анархисты», «социал-демократы», «троцкисты», «югославские коммунисты» и «представители КПСС» должны были коротко изложить свои взгляды по этому вопросу и затем перенести дискуссию в зал. Дискуссия собрала аншлаг и длилась два дня. Сенсацию вызвало выступление Андрея Исаева, который играл анархиста. Это было первое публичное цитирование бакунинской критики марксизма в современной России.

Вспоминает А. Исаев: *«Когда я произнес эту речь, я напугался сам. Где-то посередине у меня просто мурашки начали бегать по спине, и было твердое ощущение, что по завершении выступления встанет кто-нибудь из администрации и скажет: „Ну все, достаточно, я думаю, что надо закрывать мероприятие и принимать оргмеры. Когда потом пошло обсуждение, у меня отлегло от сердца – народ сочувствовал“.*

Анархическая речь А. Исаева разделила присутствующих на шокированных и увлеченных новой для них идеей. Исаев увлекся и защищал взгляды, которые не отстаивал еще и в нелегальных дискуссиях. После жарких споров зал склонился к золотой середине, согласившись в основном с «югославами», но признав серьезность анархизма. Что касается коммунистов, один из которых искренне пытался защитить свою партию, то их «фракция» была просто сметена волной критики.

В первый день зал настолько очевидно сочувствовал оппозиционным взглядам, что на следующий день организаторы попросили студентов и преподавателей защищать доктрину, которой официально все были привержены. Но зал, включая идейно выдержанных коммунистов, продолжал наслаждаться праздником плюрализма. Дискуссия продолжалась пять часов.

Вспоминает А. Исаев: *«В завершение дискуссия приобрела формы изысканного пикирования. Когда преподаватель М. Нуриев задал вопрос о том, почему анархисты всегда молоды, а когда вырастают, то примыкают к серьезным партиям, то я ответил, что по критерию возраста руководства мы, конечно, должны признать, что самой серьезной партией является КПСС. Это вызвало взрыв хохота в зале»²⁸.*

Разумеется, организаторы дискуссии, что называется, для порядка были вызваны в деканат, где факультетское руководство критиковало их за перегибы. Но в целом сопротивление подрывной агитации было слабым.

Вспоминает А. Исаев: *«Тогда вообще был единый критический порыв. Критическая направленность ассоциировалась с перестройкой, и врагов этой перестройки практически не было. Шершуков даже написал анекдот о том, как все искали врага перестройки и не могли найти. Наконец какой-то рабочий сказал, что он – враг перестройки. Его стали показывать по*

²⁷ Здесь и далее воспоминания В. А. Гурболикова записаны во время беседы с автором 3 ноября 1998 года.

²⁸ Здесь и далее воспоминания А. К. Исаева записаны во время беседы с автором 12 ноября 1998 года.

телевизору, 26 академиков убеждали его в необходимости перестройки, были решены все его материальные проблемы. Тогда еще 20 человек заявили, что они – враги перестройки, но ими уже занялись компетентные органы. Вот такой анекдот. Он хорошо характеризует обстановку».

Общественная атмосфера способствовала критическому настрою, направленному против опостылевших идеологических стереотипов КПСС. Но «общественный заказ» на критику явно преобладал над интересом к конструктивным идеям о новой организации общества.

Вспоминает А. Исаев: *«Народ воспринимал „конструктив“ с интересом, но было ясно, что за бакунинские идеи его сагитировать не удастся. Мы и перед дискуссией планировали анархизмом ударить по коммунизму, а на „позитив“ выдвинуть югославский опыт. Мы считали в тот период, что югославская модель общества (в ее идеальном воплощении) является переходной стадией к нашим идеалам – к федерализму. Этого нам удалось в общем достичь. Хотя были люди, сочувствовавшие обычной социал-демократии (В. Плотников, выступавший от имени меньшевиков, В. Герасимов, открыто выступивший в поддержку этой позиции). Но югославский опыт признали наиболее реалистичным, подходящим для нашей перестройки. После этой дискуссии мы почувствовали свой триумф и этот вариант сделали выездным. Правда, „югославов“ заменили для большего контраста социал-демократами. Получалось, что анархизм – далекая цель и критический потенциал, а левые социал-демократы – преодоление коммунизма и движение к далекой цели, намеченной анархизмом».*

Проводя свои театрализованные дискуссии, федералисты прикрывались перестроечной риторикой о плюрализме, необходимости обсуждения острых проблем. Отстаивая делегирование, они использовали штамп «ленинский принцип делегирования», ссылаясь на то, что подобным образом были устроены Советы начала века, поддержанные Лениным. По этому поводу с ними спорил секретарь комсомольского комитета института А. Лубков, профессиональный историк.

Вспоминает А. Лубков: *«В полемике ребята допускали некорректности академического плана. Так, например, называли принцип делегирования ленинским на основании того, что во времена Ленина на основе этого принципа формировались советские органы. Но к Ленину этот принцип никакого отношения не имел – это был самостоятельный принцип и стал осуществляться сразу после февральской революции. Была попытка прикрыться ленинизмом и с помощью этого прикрытия реформировать бюрократический комсомол»²⁹.*

Защищая дискуссионный клуб, федералисты апеллировали к профессиональным особенностям педагога. Позднее такие аргументы публиковались общинниками даже в институтском официозе «Ленинец»: «Какие темы обсуждают ребята на своих заседаниях? Самые острые. „Дети будут задавать нам каверзные вопросы, и нам придется на них отвечать. Давайте же сначала научимся отвечать на них друг другу“, – говорят организаторы дискуссионного клуба».

²⁹ Беседа с автором 19 октября 1996 года. Разумеется, инициаторы дискуссий понимали академическую некорректность, на которую указал А. Лубков. В узком кругу они называли делегирование «бакунинским принципом» (в действительности до Бакунина его выдвинул Прудон).

«Подпольщикам» становилось тесно в рамках истфака, и они начали гастролировать со своей театрализованной дискуссией по школам и педагогическим семинарам Москвы (эти выступления продолжались до 1989 года, когда театрализация потеряла политический смысл, хотя педагогические игры подобного рода практиковались и позднее). Осенью 1986 года историки попытались создать дискуссионный клуб в родной школе Исаева.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы провели одну ролевую дискуссию, где отстаивали как бы понарошку анархические позиции. Нас ужасно раздражало, что как только наступал острый момент, Маргарита Павловна тут же вступала на пианино с каэспэшной песней „Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались“. Школьники вели себя довольно вяло, для педагогов мы тогда оказались слишком резкими, и клуб заглох».*

Наверное, либеральные педагоги смотрели на «революционных студентов» так же, как те потом будут смотреть на экстремистов. Боязнь, что все закроют из-за несвоевременно произнесенных слов, была в 1986 году еще велика. И не напрасно – в это время еще сажали по политическим статьям. Тем не менее, позднее «общинные социалисты» будут активно сотрудничать с 734-й школой, когда к ее руководству придет известный педагог-новатор А. Тубельский.

Театрализованный политический тренинг подготовил почву для начала более серьезной кампании. Повод представился довольно быстро – началась общественная кампания за реформу ВЛКСМ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ

ГРУППА «ОБЩИННЫХ СОЦИАЛИСТОВ» (федералистов) – один из примеров зарождения политического движения в условиях жесткого авторитарного режима, подавляющего публичную активность оппозиционных формирований. Этой группе повезло – ее не успели раскрыть или воспринять как оппозицию до того момента, когда было принято политическое решение отказаться от уголовного преследования оппозиции (декабрь 1986 года). В результате «общинники» смогли принять активное участие в последующих событиях. Но их психологические и политические стереотипы были сформированы этим переходным состоянием между подпольем и ограниченной либерализацией, поэтапного выхода из подполья, постепенного расширения сферы политических и гражданских свобод.

Свободы приобретались путем постепенного захвата, когда оппозиция прощупывала, в какой степени власти готовы уступить. При этом первое время приходилось действовать практически в полной изоляции, чувствуя себя один на один с «системой». Эта политическая ситуация привела к выходу на политическую арену явления, получившего известность под названием «неформалы».

Неформалами становятся самые разные люди, и притом довольно внезапно, под влиянием поводов, которые еще год назад не произвели бы на них особого впечатления. Вероятно, превращение обычного человека в неформала – частный случай более общего процесса перехода из одной стадии психологического развития к другой³⁰. На этом рубеже можно резко изменить образ поведения и род занятий, броситься в эзотерические и религиозные поиски или начать участвовать в общественном движении, в частности неформальном. Конкретный выбор зависит от уровня культуры, сложившихся интересов и знакомств, самого повода. Но всплеск активности человека – явление не случайное и при достаточных темпах психологического развития неизбежное. Оно является частным случаем перехода от состоя-

³⁰ См.: Шубин А. В. Ритмы истории: периодическая теория общественного развития. – М., 1996.

ния «человека иерархического», ведомого материальными интересами, к состоянию «человека идеологического», которым движут построенные или усвоенные им идеальные модели.

Достаточно повода, чтобы запустить постепенно формировавшийся в недрах сознания психологический механизм. Поводы влекут за собой выводы, выводы – действия, последствия которых уже не оставляют дороги назад, пока не пройден очень значительный отрезок психологического развития. Один из неформальных активистов вспоминал в разговоре со мной: «Я пришел в движение из-за осознания несправедливости общества. Столкнувшись с режимом, я понял, что он не простит мне свободомыслия, и мою борьбу стал поддерживать страх. Впрочем, он притупляется быстро, сменяясь ненавистью. Через некоторое время начинаешь бояться сам себя, думать о всепрощении, но из движения не выходишь – теперь тобой руководят идеалы. Самое ужасное в том, что после этого с новой силой осознаешь несправедливость общества, и все повторяется, хотя и по-новому».

Почему одни люди вдруг решаются на рискованный вызов «системе», а другие продолжают жить как ни в чем не бывало? Темперамент? Роль случая? Конечно. Но почему тогда прежде законопослушные делают шаг в уличную толпу несколько лет спустя? Понятно, что материальные запросы обычного человека, которые представляются ему реальными, не так далеко отстоят от существующего положения дел. Человек планирует рост зарплаты, материальные приобретения, решение семейных проблем. Но такова жизнь – не все эти планы осуществляются. Это приводит к накоплению отрицательных эмоций, поиску причин жизненных неудач, которые можно найти в общественном устройстве, глобальных проблемах. Таким образом в сознании формируются две модели действительности: существующей (негативной) и оптимальной (за которую следует бороться). Разница потенциалов между этими двумя мирами гораздо больше, чем различие между реальностью и должным у человека иерархического.

Человек идеологический готов пожертвовать очень многим (при определенных условиях и жизнью) ради осуществления своего идеала. Его действия мотивированы духовно, и социально-экономические мотивы имеют для него значение в том случае, если они являются частью идеологической модели. Необходимо решиться на то, чтобы покинуть привычный, устойчивый, но опостылевший иерархический мир и двинуться навстречу утопии, картина которой еще даже и не закончена (впрочем, незаконченность создает поле для маневра). Позднеиерархический человек постоянно ищет выход или конструирует собственную доктрину и группу единомышленников под нее, он стучится во многие двери, и одна из них рано или поздно открывается.

Психологически большинство неформальных лидеров начинает свой путь в движении с этой стадии (среди менее активных или менее постоянных членов встречается немало молодежи, пришедшей в движение из простого любопытства). Человек идеологический – носитель значительной психологической энергии. Что бы ни происходило в это время в стране, он ведет себя как революционер. Любое его движение – судьбоносно, любое событие – грандиозно, высказывания – категоричны (вычерчивается прямая линия от реальности к цели). Понятно, что расхождения между участниками движения в этот период чреваты расколами, которые воспринимаются как предательства, формируются в устойчивые психологические комплексы, остающиеся шрамами на долгие годы.

Мир неформальных организаций 1986—1989 годов представлял собой своего рода модель демократического общества, в котором участники играли в большую политику, растрачивая энергию на борьбу за места в координационных органах, отстаивая каждый пункт политических программ с таким жаром, будто работали над проектом судьбоносного закона. Конечно, и в этом был смысл, поскольку неформалы вскоре научились выводить на улицы нешуточные толпы, а их издания превратили гласность в свободу слова. Но и внутривнутриполитические страсти «игрушечной политики» неформалов имели большое значение. Это был

беспрецедентный тренинг, когда сотни будущих политических лидеров, журналистов, общественных активистов за считанные годы освоили политическую культуру обществ с давними политическими традициями.

В принципе несколько студентов, любивших проводить время в политических беседах, читать раздобытого из-под полы Галича и время от времени осторожно вынимать из кармана фигу, чтобы направить ее в сторону власти в узком кругу приятелей, – явление, характерное для пары предперестроечных десятилетий. Большинству повезло – власти их не заметили или не захотели замечать. И со временем из начинающих диссидентов выросли умеренные и аккуратные либералы-шестидесятники. Меньшинству повезло меньше – начальство заметило недозволенные разговоры и применило ту или иную степень устрашения – от комсомольского выговора до исключения из института. Самые неугомонные пытались возмущаться и вошли в историю трагическими фигурами диссидентского движения. При оценке их деятельности на первом плане стоят действия, а не идеи. Важны протесты против режима, замеченные преимущественно на Западе.

Федералисты не отличались героизмом и готовностью идти в лагерь за идею (хотя в случае невезения не исключали для себя такой возможности). Будь эпоха поморозней, они, может быть, так и не вышли бы из своего подполья и тоже превратились бы в «либералов» с их вековой тоской по свободе, смешанной со страхом перед ней же. Но в 1986 году власть стала давать слабину. Никто не знал – надолго ли это. Не скоротечна ли оттепель? Или всерьез и надолго? Думаю, это как раз и зависело от того, бросится ли кто-нибудь расширять щелочку, через которую подул свободным сквозняком. И они бросились. Они рискнули. Несмотря на отсутствие героизма, гарантированного расчета и даже шанса победить в течение ближайших нескольких лет. То, что такой шанс реально существовал, тогда не знал никто, включая Генерального секретаря ЦК КПСС.

Осенью 1986 года все это было еще впереди. Небольшая группа студентов исторического факультета еще только готовилась к своим первым публичным кампаниям³¹.

³¹ В главе использованы также материалы архива Шубина А. В. Ф. 1986—1987.

ГЛАВА ВТОРАЯ СОБИРАТЕЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

КОМСОМОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

АТАКА НА АППАРАТ

6 ДЕКАБРЯ секретарь комсомольской организации биофака МГУ В. Тимаков выступил на комсомольской конференции с предложением объявить Всесоюзную дискуссию по поводу путей перестройки ВЛКСМ.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Когда Исаев зачитал текст выступления Тимакова, у нас было общее настроение – ну что же мы сидим, сколько можно. Вот же возможность реальной политики. Тут же пошли в очередное кафе и стали писать программы, материалы для очередной стенной газеты».*

«Исаев предложил использовать дискуссию для публичной кампании, атаковать комсомольскую иерархию и выдвинуть проект реформы ВЛКСМ, предполагавший максимальную его децентрализацию по отраслевому принципу (союз студентов, союз молодых рабочих и так далее). После „внутреннего“ обсуждения было решено добавить принцип делегирования и сделать акцент не на отраслевой, а на низовой децентрализации»³². За этой корректировкой стояло кратковременное возрождение прежнего разногласия между синдикалистом Исаевым и федералистом Шубиным.

«13 декабря (как потом заметили, ровно через пять лет после подавления польской революции 1980—1981 годов) дискуссионный клуб собрал студентов на заседание, посвященное перестройке комсомола. Предварительную агитацию провела стенгазета, и студенты собрались. Так начались первые „сто дней общинных социалистов“, напоминавшие предвы-

³² Шубин А. В. Партизаны перестройки. Рукопись 1988 г.

борную кампанию. После первого, довольно бурного собрания образовалась инициативная группа из 27 человек, которая взялась „пробивать“ продолжение дискуссии. Интересно, что из 27 членов группы 13 потом вошли в политклуб „Община“, четверо тесно сотрудничали с ним. О прочности этого ядра говорит и то обстоятельство, что 11 членов инициативной группы потом вошли в Конфедерацию анархо-синдикалистов. Таким образом уже на старте кампании ядро „подпольщиков“ обросло широкой командой.

Помимо людей, понимавших вспомогательный характер «официально» провозглашенных 13 декабря целей, были и те, кто искренне верил – Карфаген комсомольского аппарата может быть разрушен, а ВЛКСМ способен стать свободным и эффективным молодежным сообществом. Чтобы «контролировать процесс», в группу записалось и несколько комсомольских функционеров во главе с секретарем курса коммунистом В. Болдыревым. В самый разгар дискуссии коммунист Болдырев «не справится с управлением» и уйдет в отставку, а после того как станет очевидной невозможность пробить сопротивление партийного и комсомольского аппарата, из группы окончательно уйдут «либералы». Но численность ее продолжала расти за счет тех, кто видел главную задачу – найти единомышленников и создать политическую организацию.

У заседания 13 декабря было еще одно любопытное последствие – из ЦК ВЛКСМ позвонили в деканат истфака и спросили: «Чего они там у вас хотят?». – «Самостоятельности групп по интересам», – ответили им. Это был момент последней доводки официального проекта Устава»³³.

В своих воспоминаниях 1988 года я несколько упростил эволюцию состава группы. Во-первых, инициаторы, как следует из дальнейших событий, не исключали, что характер ВЛКСМ может измениться и в ходе распада режима его структуры смогут стать одной из опор левосоциалистического движения.

Вспоминает А. Исаев: *«Трудно сказать, насколько мы тогда верили в возможность навязать комсомолу наши принципы. Видимо, мы существовали в двух ипостасях. Мы считали, что ведем агитацию, чтобы набрать актив. Но в момент агитации всегда нужно верить в то, что говоришь. А вдруг».*

Во-вторых, люди умеренных и либеральных взглядов оставались в группе и позднее. Большинство из них покинуло «Общину» во второй половине 1987 года в связи с идейными разногласиями. Дальнейшей общественной активностью либеральное меньшинство группы не занималось.

25 декабря вышел проект новой редакции Устава, предложенный редакционной комиссией ЦК ВЛКСМ. От старого Устава он отличался стилистическими поправками «в духе перестройки» и пунктом 45: «Комитеты комсомола могут создавать временные комсомольские организации в... объединениях по интересам»³⁴. Естественно, такой паллиатив не устраивал федералистов.

Инициативной группе удалось назначить на 25 декабря комсомольскую конференцию факультета для выдвижения предложений по реформе ВЛКСМ. Партия отошла на заранее подготовленные позиции институтской организации.

Вспоминает А. Исаев: *«Делегаты уже были избраны, но тут партбюро дало команду: конференцию от греха подальше не проводить. Народ собрался, а бюро говорит: „Мы конференцию проводить не будем“. – „Почему?“ – „Партбюро против“. Мы подошли к залу и увидели там*

³³ Там же.

³⁴ Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. – М., 1988. – С. 22.

толпу делегатов. Я вышел перед ними. Вообще-то я боялся – все-таки прямой конфликт с партбюро в это время – дело нештучное. Но у меня есть такая особенность – перед массой народа „Остана несет“. И я произнес громящую речь в адрес бюро ВЛКСМ, обвинил их в трусости и предательстве. Мол, они боятся разговаривать с народом. „На основании чего!...“ И тут же предложил компромиссный вариант: „Раз вы не даете такой возможности, пусть это официально не будет конференция, но мы все равно обсудим. На это у нас право есть“. Началось обсуждение, все стали выдвигать предложения, заранее обсужденные в группах. Кто-то выкрикивает: „Распустить комсомол!“ Я пишу на доске: „Распустить комсомол“. Это больше всего потрясло сочувствовавшего нам замдекана В. Вышегородцева. Он мне потом говорил: „Тут чекисты сидят, а он пишет: „распустить комсомол“. Но на этом собрании уже присутствовал редактор отдела „Комсомолки“ С. Кушнерев, познакомившийся с нами на собрании по защите памятников. Так что некоторое прикрытие мы себе все-таки обеспечили. После этого собрания секретарь бюро Болдырев написал заявление: „Прошу освободить меня с поста секретаря комитета комсомола факультета, потому что я не могу работать в условиях перестройки“. Для Кушнера это был подарок, прочитав это заявление, он повернулся к нам и сказал: „Наш человек“. Секретарем мы поставили С. Кунина – умеренного коммуниста, близкого к нам. Кунин обещал, что на конференции, которая будет его избирать, мы обсудим также и наши предложения, что и было сделано. Партбюро к этому моменту поняло, что сопротивляться этому на уровне факультета бессмысленно“.

Для оппозиционеров юридическая сторона вопроса была не так важна. Главным был сам процесс дискуссии, который позволял вовлекать студентов в политическое обсуждение. Вслед за факультетской конференцией историки выступили на совещании в комитете комсомола института, посвященном дискуссии.

Вспоминает В. Гурболиков: *«Президиум не удержал ситуацию. Мы произвели шум, вызвали интерес на разных факультетах. Было решено создать группу „для изучения вопроса“ (с намерением его там похоронить, как всегда), но этим открывалась возможность обсуждать тему и на факультетах».*

Наступление инициативной группы развивалось стремительно. Она проводила встречу за встречей, везде находя сторонников.

Вспоминает А. Лубков: *«Ребята были хорошими полемистами. У них была определенная логика, эмоции. Подкупало то, что это действительно рядовые комсомольцы, не связанные с так называемой комсомольской номенклатурой. Они представляли только самих себя и тех ребят, которые не были удовлетворены работой, скукой нашей комсомольской. Как правило, вся работа комсомола крутилась где-то на верхах, а внизу была тишь да гладь».*

В начале 1987 года тишь была нарушена и внизу, и в верхах. В январе – феврале 1987 года инициативная группа провела обсуждения своих предложений в нескольких школах Москвы и в МВТУ имени Баумана. Но главным «полем боя» оставался МШИ. Комсомольские конференции физфака, геофака и истфака, а также самостоятельный «актив» филфака (те, кто пришел) проголосовали за принцип делегирования (всего его в это время поддержало

около 500 человек). Коллективное членство в ВЛКСМ, предложенное историками, не вызвало энтузиазма – оно пахло «чисткой». Группа добивалась проведения институтской конференции, чтобы выйти на все факультеты вуза.

Предложения инициативной группы представляли собой проект реформ во всех сферах жизни комсомола, который был своего рода моделью советского общества. «Думается, мы не ошибемся, – утверждали лидеры группы, – если назовем главной проблемой сегодняшнего комсомола бюрократизацию структур ВЛКСМ, формализацию его деятельности и, как результат, стремительный рост „пассива“³⁵.

Бюрократизации и пассивности историки противопоставляли принцип делегирования и неформальные общественные организации. Для них комсомольская дискуссия была хорошим поводом изложить собственную модель общественного устройства и объединить вокруг нее как можно больше студентов. «Неформальные комсомольские группы и организации по направлениям работы существуют и занимаются конкретной деятельностью. Это живое дело, на наш взгляд, приносит во сто крат больше пользы, чем все инструкции и распоряжения сверху»³⁶. Объединения по направлениям деятельности должны были заменить территориально-производственные организации ВЛКСМ. Очевидно, что подавляющее большинство комсомольцев, состоявших в ВЛКСМ только потому, что исключение из рядов могло повлечь за собой и административные санкции, не собиралось заниматься реальной общественной работой. Члены инициативной группы предлагали освободить их от комсомольской обязательности вообще. Это могло ослабить контроль режима над молодежью и изменить соотношение сил в ВЛКСМ, аппарат которого традиционно опирался на пассивное большинство.

«Дело в том, что в это время все большее влияние в обществе (не только в комсомоле) приобретала идея чистки. Чистить предлагали партию, госаппарат, комсомол. Чистить от жуликов, бюрократов, безынициативных людей. „Долой болото – рассадник коррупции и бюрократизма“. Но возникал вопрос: „Кто и по каким критериям будет чистить и каковы будут последствия для вычищаемых?“ Если чистка пойдет сверху, то вычистят бунтарей и инакомыслящих. Если право чистить демократически передадут большинству, то есть пассивной базе „застоя“ в этих организациях, результат будет тот же или в лучшем случае нулевой. Группой инициаторов дискуссии на истфаке МШИ было предложено облегчить массовый выход из ВЛКСМ всем, кому он неинтересен. Для этого нужно было только отказаться от преследований выходящих и отменить все привилегии членов ВЛКСМ. Основной задачей „похудевшей“ организации должно было остаться коммунистическое воспитание молодежи, но коммунизм понимался как безгосударственное общество, а воспитание – как автономная общественная активность молодежи. В „Тезисах возможных изменений в уставе ВЛКСМ“, выдвинутых инициативной группой, предлагалось: „Предполагается, что территориально-производственные первички будут состоять из комсомольских групп, построенных не на базе бригад, классов и так далее, а на основе реально действующих коллективов комсомольцев, занятых конкретной отраслью (комплексом) коммунистического воспитания (агитколлективы, пед- и оперотряды, политклубы, КИДы и прочее“.

Это предполагало не персональное, а коллективное членство в комсомоле. Работаешь в какой-то группе – комсомолец. Не работаешь – нет. Проследить за твоей принадлежностью к этому движению нельзя, а работа самих групп и ее результаты у всех на виду. Естественно, что такой идейный аналог хозрасчета был смягчен рядом предложений по «учету кадров».

³⁵ Предлагают историки // Бауманец. – 1987. – 20 февраля.

³⁶ Там же.

Но предлагавшаяся система быстро привела бы к резкому сокращению рядов ВЛКСМ и превратила бы его в сообщество левых активистов»³⁷.

Неформалы стремились превратить весь ВЛКСМ в сообщество организаций, где «низы» возьмут в свои руки власть через делегированную систему постоянно действующих конференций: «Чтобы выйти из этого положения, нужно заменить пленарные комитеты комсомола (райкомы, обкомы, горкомы) постоянно действующими конференциями делегатов первичных организаций, которые регулярно проводили бы свои заседания, а в перерывах между ними создавали бы рабочие группы по направлениям деятельности, способные заменить многих сотрудников комсомольского аппарата. Да и избрание этого аппарата, определение его структуры, задач и расходов на его содержание стало бы прерогативой конференций, состоящих из представителей первичных организаций. Состав конференций не будет застывшим: делегат, не оправдавший доверия направившей его организации, может быть отозван и переизбран в любое время»³⁸. Эти предложения лишь формально относились к комсомольской теме. Достаточно было вычеркнуть упоминание о комсомоле, и программа инициативной группы превращалась в модель политического движения или общественного устройства.

Вспоминает А. Исаев: *«Мы в этот период уже не были ленинцами. Но мы выискивали у Ленина всякие фразы, которые позволяли защищаться от „оргмер“ партийной и комсомольской организаций. Так, например, известная работа Ленина называлась „Задачи союзов молодежи“. Мы утверждали, что это значит, что Ленин считал необходимым существование разных молодежных союзов. Конечно, это было прикрытие. Мы тогда четко понимали, что выступаем против двух фундаментальных принципов организационного строения. Мы считали необходимым заменить демократический централизм федерализмом и отказаться от территориально-производственного деления. Мы считали, что если эти принципы убрать, то тотальная коммунистическая организация в прежнем качестве перестанет существовать».*

Вспоминает В. Гурболиков: *«Наша платформа была совершенно ясной и, как я сейчас понимаю, для комсомола губительной. Не в том смысле, что комсомол распался бы. Для молодежного движения это был шанс на спасение. Кстати, именно таким шансом – кардинально изменить внутреннюю структуру – воспользовались профсоюзы и выжили в новых условиях. Если бы комсомол тогда каким-то чудом принял наши условия, он сегодня был бы жизнеспособной молодежной организацией и, может быть, наша команда действовала там, а не в профсоюзах. Но бюрократическая система контроля за молодежью разрушилась бы моментально, и вместо нее возникло бы движение или множество движений. Так что комсомольские функционеры совершенно правильно сопротивлялись. Тогда комсомольская номенклатура делилась на два крыла – политическое и экономическое. Политики – А. Лепехин, В. Сидоров и другие интересовались переменами и связывали с ними свои надежды. Но другая часть, более влиятельная, все глубже уходила в бизнес. Им тогда дали новые возможности, скоро пошли НТТМы, через которые создавались первые легальные капиталы в стране. И политика здесь только мешала, раздражая*

³⁷ Шубин А. В. Партизаны перестройки

³⁸ Предлагают историки // Бауманец. – 1987. – 20 февраля.

партийные органы и привлекая ненужное внимание. Интересно, как потом изменилась жизнь. Костя Затулин, который тогда начал заниматься бизнесом, на нас смотрел с ненавистью – зачем мы лезем в политику и создаем шум вокруг комсомола. А сегодня Затулин – политик. Тогда его линия была генеральной».

Пафос предложений федералистов был направлен против комсомольского аппарата. Здесь лидеры инициативной группы решили опять, как и в случае с палатами Щербакова, апеллировать к реформаторскому крылу КПСС: «Мы полностью разделяем слова Б. Н. Ельцина, с иронией говорившего на комсомольской конференции ЗИЛа о позорном соревновании „у кого больше бюрократии“ между профсоюзами и ВЛКСМ»³⁹.

КАК ПРОРВАТЬ ИНФОРМАЦИОННУЮ БЛОКАДУ?

ПОСКОЛЬКУ ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ инициаторов дискуссии была сама возможность публичного обсуждения синдикалистских взглядов, привлечения студентов к умеренно-оппозиционной активности, главным предположением группы была поддержка идеи всесоюзной дискуссии. Историки предложили свой план, который расходился с рутинной процедурой ЦК ВЛКСМ: «Нам кажется, что всесоюзную дискуссию целесообразно провести в три этапа: обсуждение в первичных организациях, выдвигающих свой проект, на районных конференциях и, наконец, дискуссия между представителями победивших проектов, освещаемая представителями средств массовой информации... Дискуссия может завершиться комсомольским референдумом по наиболее популярным проектам». Для обобщения результатов дискуссии XX съезд необходимо было провести в два этапа. Ключевое словосочетание в этом фрагменте – «средства массовой информации»⁴⁰.

Программой-максимум инициативной группы был прорыв информационной блокады вокруг альтернативных политических идей, преодоление коммунистической монополии на СМИ. Руководители горбачевской информационной машины со временем встали на сторону либеральных и правосоциал-демократических взглядов, во многом предопределив дальнейшую вестернизацию массового сознания. Левосоциалистической альтернативе пришлось пробивать дорогу вопреки информационному потоку горбачевской либерализации. Но в 1986—1987 годы еще оставался шанс на сотрудничество молодых радикалов и номенклатурных реформаторов.

Пытаясь использовать этот шанс, в феврале 1987 года инициативная группа обратилась с письмом к Борису Ельцину. Расчет делался на то, что реформисты изолированы и должны искать поддержки в «низах». Изложив претензии к нынешней структуре ВЛКСМ и порядку официальной дискуссии, разъяснив основы «ленинского принципа делегирования», историки писали московскому лидеру: «Нам кажется, что эти предложения могли бы вас заинтересовать, так как они дают возможность наладить надежный демократический механизм народовластия и в других сферах нашего общества. Перестройка ВЛКСМ на предложенной нами основе могла бы стать экспериментом, проверяющим эффективность принципа делегирования в современных условиях».

Одновременно было направлено письмо в ЦК ВЛКСМ. В нем критиковался «петиционный» характер обсуждения официального проекта Устава и предлагался механизм всесоюзной дискуссии, идея которой была до этого «обкатана» на факультетских конференциях. Инициативная группа пыталась найти либералов в руководстве ВЛКСМ и с их помощью продлить дискуссию. «ЦК сохранил молчание, но по факультету поползли слухи о том,

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

что за нашей группой стоит „рука Ельцина“. Этот слух сдерживал руководство институтской парторганизации. Факультетские партийцы, среди которых преобладали славянофилы и либералы-западники, скрыто сочувствовали дискуссии»⁴¹. Слухи были не вполне беспочвенными – в это время завязались отношения с секретарем организации ВЛКСМ Высшей комсомольской школы Ю. Роптановым, поддерживавшим контакты с Б. Ельциным.

К середине февраля инициативная группа насчитывала около 20 человек, из которых половина распечатывала материалы, а половина занималась агитацией. Группа пополнилась за счет студентов физфака. Физики использовали передовые технические средства. «После того как Рауля Нахмансона вызвали в партком (тогда это была страшная инстанция) на работу за использование институтского принтера, он почесал затылок и сказал: „Так, теперь попробуем в лаборатории...“⁴²

Информационная революция стучалась в двери режима. Использование принтера вызвало особенное возмущение руководства институтского комитета ВЛКСМ, руководитель которого заявил в связи с этим: «Ребята хватили через край, прибегли к множительной технике».

Вспоминает А. Исаев: *«Меня тогда поразила эта фраза. Не важно, что ты напечатал, важен сам факт несанкционированного размножения информации».*

К концу дискуссии в МГПИ удалось вовлечь в нее организации девяти факультетов. Помимо предложений историков наибольшую поддержку получила идея приема и исключения комсомольцев в первичках, то есть по существу – тоже требование автономии от центральных органов.

СТРАНА ПОЛНА НЕФОРМАЛАМИ

8 ФЕВРАЛЯ члены группы в ряду прочих инициативных групп были приглашены на встречу с руководством МГК ВЛКСМ и редакционной комиссией ЦК. Члены комиссии дали понять, что принятие Устава в редакции ЦК предрешено. Но здесь будущие «общинники» сумели познакомиться с единомышленниками и комсомольской номенклатурой городского масштаба, курировавшей дискуссию.

Вспоминает В. Гурболик: *«Мы это не восприняли как возникновение связей, но нас-то заметили. Мы были заняты своими идеями, а за нами активно наблюдали».*

«Представители инициативных групп положили на стол комиссии несколько контр-проектов Устава. Дискуссия уже охватила комсомольцев МГУ, МГПИ, МАИ, МВТУ, госпиталя им. Бурденко, нескольких предприятий. Заводские комсомольцы были представлены в основном секретарями, один из которых в яркой речи описал свое бедственное положение в тот момент, когда надо собирать взносы. „Вы знаете, куда меня посылают?! – риторически вопрошал он, вздыхая огромной грудной клеткой кузнеца. Присутствующие сочувственно кивали, перебирая в уме знакомые выражения. – Я выступаю с инициативой, чтобы взносы вычитали прямо из зарплаты, как в профсоюзе“». Убеленные сединами выразители мнения молодежи что-то пометили в своих блокнотах. Серия выступлений демократов наконец привела к дискуссии.

Наряду с делегированием предлагалось еще несколько интересных идей, на первый взгляд, противоречивших друг другу. Если мы предлагали расцезь бюрократию на каждом

⁴¹ Шубин А. В. Партизаны перестройки.

⁴² Там же.

уровне по вертикали и подчинить «верхи» «низам», то В. Преображенский (МАИ) предлагал рассеять аппарат по горизонтали четкими гранями компетенции каждого уровня. Аспирант М. Астахов предложил сделать из ВЛКСМ централизованную организацию молодых коммунистов, но входящую в широкий фронт равноправных политических молодежных организаций»⁴³.

Нам с Исаевым понравился принцип компетенции Преображенского. В их интерпретации он звучал так: «Компетенция вышестоящих органов определяется по соглашению нижестоящих». Этот принцип помог идеологам движения решить проблему защиты прав меньшинства»⁴⁴.

Вспоминает А. Исаев: *«Сначала я думал, что мы окажемся на этом совещании самыми радикальными. В президиуме сидели комсомольские работники далеко не юного возраста. Но тут на стол президиума стали класть уставы и предложения Союза советской молодежи, какой-то молодежной фракции и так далее. Когда мы изложили наши предложения, сидевший в президиуме функционер средних лет заявил, что это смесь анархизма с оппортунизмом. Но тут встрепенулся седовласый старец в президиуме и сказал: „Не надо навешивать ярлыки“. Была установка ярлыков не навешивать».*

Наблюдавший ситуацию со стороны «верхов», А. Лубков вспоминает, что «на разных уровнях партийной иерархии были разные позиции в отношении дискуссии в МГПИ. На уровне ленинского райкома комсомола, а значит и партии, была установка каким-то образом оказывать давление на ребят, следить, смотреть, внимательно работать, по возможности искать крамолу или ересь. На уровне горкома эти выступления оценивались как новация, как неудовлетворенность молодежи. Я помню, что на совещании в горкоме комсомола, где ребята излагали свои взгляды, я выступил и показал, что это – анархо-синдикалистские идеи. Ребята тогда с этим не соглашались, хотя потом их эволюция шла именно в эту сторону. А меня потом после заседания пожурили: мол, не надо так, с обвинениями в анархо-синдикализме, мол, перегнул палку. С ребятами надо осторожнее работать. По линии партийных кадров нам потом постоянно указывалось, что у нас есть „Община“. Как недостаток. А мы пытались представить это как достоинство, успех в деле перестройки. Ребята интересные, глубокие. У них, конечно, есть загибы, но мы, как старшие товарищи, должны прийти на помощь...»

В кулуарах горкома демократы согласились, что их проекты вполне совместимы, поддержали предложенный историками порядок дискуссии и договорились поддерживать контакты в дальнейшем. Но кампания выдыхалась.

Между тем дискуссия начинала задыхаться и в институте. Комсомольские секретари факультетов проводили собрания актива, где приходили к выводу о нецелесообразности институтской конференции по вопросу демократизации Устава. 2 марта на встрече с комитетом ВЛКСМ МГПИ членам группы было официально заявлено, что институтской конференции не будет.

Вспоминает А. Исаев: *«Предлог был совершенно смехотворным. Мол, не высказалось большинство факультетов. Вообще я сейчас поражаюсь,*

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

как нам вопреки откровенному сопротивлению институтского комитета и парторганизации вообще удалось провести эти конференции, которые высказались за продолжение дискуссии и поддержали часть наших предложений».

В качестве альтернативы предлагалось послать в адрес съезда все предложения, которые выдвинуты в институте. По мнению комсомольских руководителей, негативные явления были вызваны не Уставом, а практикой работы. Ее и предполагалось улучшать. Группа предпочла не идти пока на прямую конфронтацию и перейти к организации группы по интересам в соответствии со своим проектом Устава.

Кампания за реформу ВЛКСМ позволила группе отработать тактику кампаний, которая применялась затем до 1990 года и состояла из нескольких этапов: разработка проекта, подготовка костяка инициативной группы, активная агитация в сочетании с обращением к властям, сплочение силы присоединившихся к движению на этом этапе, этап конструктивной работы (пользуясь термином Ганди)⁴⁵. Вслед за напряженной кампанией наступал этап организационной рутины, без которой были невозможны новые атаки.

Главная задача, которую ставили перед дискуссией лидеры инициативной группы, была выполнена – удалось привлечь на сторону оппозиционных взглядов десятки студентов. Теперь их нужно было организовать для долговременной политической работы. Предстояло покрыть всю страну филиалами организации, чтобы заставить власть считаться со следующей политической атакой. Но тут выяснилось, что страна и так уже полна неформалами.

В середине марта на КСИ вышла одна из активисток инициативной группы по реформе ВЛКСМ Т. Титова. Оказывается, мы не одиноки во вселенной, и она населена множеством братьев по разуму. «Принюхивание» полуподпольных групп друг к другу было осторожным, и первое впечатление друг о друге часто было как о людях не вполне адекватных.

Вспоминает А. Исаев: *«Пельман сидел в роскошном, как нам тогда показалось, здании на Кропоткинской. Но чем эта штука занималась, было непонятно.*

Григорий представил нам представителей «хэп-федерейшен», из которой потом вышла либеральная группа «Гражданское достоинство». «Чем они занимаются?» – «А вот, играют в желтый мячик». Я тогда подумал, что это либо ненормальные, либо те самые масоны, о которых так много говорят ученики А. Кузьмина (профессор МГПИ, один из теоретиков патриотического движения. – А. Ш.). Какой-то желтый мяч, какая-то таинственность.

Недавно я встречался с Б. Кольцовым из НТВ, который тогда был членом этой федерации, сказал ему, что, увидев этих людей, решил, что у них не все дома. Но выяснилось, что мы тоже произвели на них подобное впечатление. У рафинированная символистская субкультура, новая система общения, принципиально альтернативная совковой, мечта о выходе из подполья и развитии либерального движения. А тут приходит какая-то «комса» и начинает грузить какой-то реформой ненавистного комсомола, гори он огнем.

Но хитрый Пельман все это внимательно выслушал и начал нам рассказывать про социальные инициативы. И тоже нес что-то, что казалось нам полным бредом: какая-то девочка предложила всюду поставить аппараты, чтобы удобно было кидать мелочь в фонд мира. И в

⁴⁵ Неформалы: социальные инициативы. – М., 1990. – С. 106.

таком духе. Но из разговора выяснилось, что для Пельмана важна не только содержательная сторона инициатив, а сам факт их поиска и объединения. Это было серьезно».

Модель Клуба социальных инициатив позволила соединить между собой в единую сеть контактов разнородные гражданские группы, легализовавшиеся самым невероятным и экзотическим способом.

Несколько дней спустя прошла расширенная встреча представителей клуба и молодых историков. Там присутствовали будущие активные участники общественной жизни Б. Кагарлицкий, М. Малютин, В. Корсетов и Г. Пельман.

Вспоминает А. Исаев: *«Там мы снова начали излагать свой комсомольский проект и были встречены с очень глубоким вниманием. Причем по некоторым репликам было ясно, что присутствующие были настроены очень радикально антикоммунистически. Когда мы упомянули о методах запрета дискуссии, мы услышали: „Ну понятно, обычное торжество „социалистической демократии“. Меньше всего можно было предположить, что Малютин, например, член КПСС. А после некоторых комментариев Кагарлицкого мы решили – это матерое гнездо, организация типа польского КОС-КОРа. Мы его быстро нащупали».*

БРАТЯ ПО РАЗУМУ

НЕФОРМАЛЫ И ДИССИДЕНТЫ

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПИСЬМА и раскидывая сети общественных контактов, Клуб социальных инициатив собирал богатый урожай. Выяснилось, что СССР вовсе не является общественно-политической пустыней.

Вспоминает Г. Павловский: *«Все признавали права клуба координировать движение, причем даже не спрашивая, в каких целях. Это были сотни групп».*

В реальном политическом движении остались только десятки. Зато какие!

Одно из писем пришло из Москвы, от «хэп-федерации» (hap-federation). Люди обратились для того, чтобы играть в «хэп», игру, похожую на теннис.

Вспоминает Г. Павловский: *«Они себя вели крайне конспиративно. Ни один человек не поверил бы, что они собираются именно для того, чтобы играть в „хэп“. Видимо, это прикрытие чего-то страшного».*

Впрочем, большинство участников группы потом не стало заниматься политической деятельностью. Бросался в глаза западный «прикид» участников.

В начале 1986 года «хэп-федерация» подключилась к обработке писем, лидер группы Виктор Золотарев и его сестра Анна писали по адресам, обзванивали выявленных неформалов, устанавливали все новые связи. Так у клуба появился аппарат. Правда, весной 1987 года энергия «хэпов» в клубе ослабла – большинство не было готово следовать за Золотаревыми в политику. Лидерам клуба пришлось искать новых «рабочих лошадок».

Вспоминает Г. Павловский: *«В 1986-м на нашем горизонте появились питерцы, среди которых было много антикоммунистов – Волчек, Зелинская и другие».*

Впрочем, при общности взглядов на социализм питерцы очень поразному смотрели на отношения неформалов с диссидентским движением. Редактор «Митина журнала» Д. Волчек обвинял неформалов в нерешительности, локальности требований, «стремлении выстроить свои органы по уже существующей советской бюрократической схеме» в «губительной тяге к компромиссам», «желании любой ценой, в том числе и ценой прямого раскола, отгородиться от правозащитного движения»⁴⁶.

Е. Зелинская, редактор журнала «Меркурий», отвечала ему: «Говорить о расколе между никогда не сливавшимися движениями так же некорректно, как сообщать о разводе двух людей, не только не состоявших в браке ранее, но говорящих на разных языках»⁴⁷. Большинство неформалов, независимо от взглядов, не собиралось наследовать у диссидентов логику тотального противостояния советской системе. У них были свои традиции.

Диссидентское движение даже в условиях перестройки не смогло восстановиться. Выжидание Андрея Сахарова закончится только в конце 1988 года, Ковалева – и того позже, не говоря о других, которые так и не станут участвовать в политической деятельности. Кто-то сидел на чемоданах, кто-то выжидал, чем кончатся реформы Михаила Горбачева. Ради-

⁴⁶ По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 51.

⁴⁷ Там же. С. 58.

кальное неприятие «системы» обернулось неспособностью действовать в условиях ее либерализации.

Исключение составила команда Валерии Новодворской, которая стала строить партию, что для диссидентов означало разрыв с традициями «движения».

Задолго до описываемых событий, 4 июня 1982 года, группа диссидентов провозгласила создание инициативной группы «За установление доверия между СССР и США» (позднее стала называться «За установление доверия между Востоком и Западом» или коротко – «Доверие»). Группа была практически полностью разгромлена КГБ, но в 1987 году часть ее бывших членов возобновила деятельность и создала правозащитный семинар «Демократия и гуманизм». Он проходил на квартире Евгении Дебрянской, собирал около 30 человек. Лидером семинара стала Валерия Новодворская. «Доверие» выступало с пацифистскими идеями («народная дипломатия», вывод войск из Афганистана). Но семинару Новодворская придала более всеохватную политическую тематику: резкая критика КПСС и коммунистического режима с 1917 года и до наших дней. «Демократия и гуманизм» стала основным наследником диссидентского движения в неформальном сообществе.

Несмотря на участие в семинаре группы молодых «младомарксистов» (А. Грязнов, А. Элиович и другие), основное направление пропаганды семинара было либеральным. Это была первая заметная организация времен перестройки, которая придерживалась либеральных взглядов в собственном смысле слова. Летом 1987 года участники семинара попробовали провести несколько уличных акций. Но они были малочисленными (10-20 участников) и либо напоминали прогулки по Тверскому бульвару, либо пресекались милицией.

4 мая милиция жестоко разогнала тусовку хиппи на Гоголевском бульваре, избив несколько человек. Г. Павловский, который к этому времени стал работать в журнале «Век XX и мир», прибыл на место событий и затем распространил информацию о расправе в кругах неформалов и журналистов (с этого началось его сотрудничество с В. Юмашевым). Клуб социальных инициатив организовал по этому вопросу небольшую пресс-конференцию.

Одновременно клуб провел большое обсуждение проблем культуры. Собралось множество людей, озабоченных ситуацией с памятниками культуры в Москве. «Одной из идей было восстановление храма Христа Спасителя, тем более что бассейн „Москва“ был рядом»⁴⁸. Разгоряченная спорами, часть участников на следующий день вышла на демонстрацию «Памяти»⁴⁹. Это было уже слишком – у клуба отобрали помещение.

Вокруг кипели дискуссии. Люди стремились успеть выговориться, пока дают. Более опытные люди приходили установить контакты. Пока оппозиция не имела поддержки снизу (ее предстояло создать), следовало озаботиться прикрытием сверху.

Клуб социальных инициатив стремился занять не только нишу координатора неформалов, но и связующего звена между ними и «прорабами перестройки», видными представителями статусной интеллигенции. Одну линию этих связей обеспечивал Г. Павловский через круг Гефтера и редакцию журнала «Век XX и мир», работавший под одной крышей с «Московскими новостями». Там собирался круг известных «либеральных коммунистов», опиравшийся на поддержку реформаторов в ЦК КПСС.

Г. Павловский так объясняет политическую модель, которую выстраивал этот круг: «Передо мной стояла задача соединить сектор теневых либералов круга Гефтера – Карпинского, зафиксировав их позицию в качестве разработчиков курса, с неформалами в качестве

⁴⁸ Рождение неформального движения.

⁴⁹ См. Шубин А. В. Парадоксы перестройки: неиспользованный шанс СССР. – М., 2005. – С. 142.

носителей этой концепции и партией в качестве усилителя, транслятора и мультипликатора».

У этой модели был один, но существенный недостаток – как выяснилось, неформалы не готовы были признать интеллектуальное превосходство и принять руководство «теневых либералов».

Другая линия тянулась к Советской социологической ассоциации и ее президенту академику Т. Заславской. Она воспринималась одновременно и как прикрытие, и как канал связи с реформистским крылом Политбюро, прежде всего с Яковлевым. Здесь уже неформалы видели себя частью (наряду с ассоциацией) «выносных мозгов» реформаторов. Под патронажем Заславской клубу стал проводить круглые столы с видными учеными.

На этих мероприятиях выступавшие говорили кто о чем – ведь раньше можно было высказываться только в узком кругу знакомых, а теперь – публично.

Вспоминает Б. Кагарлицкий: *«Приходила публика и охала: „Ах, что говорят!“. Обсуждали все – от отсутствия детских площадок до поддержки перестройки. Прикрывало нас присутствие Заславской и других ученых».*

В стенгазете клуба цитировались слова Заславской на одном из заседаний клуба: «Необходимо выяснить, какими темпами выпустить джинна из бутылки». Под джинном имелся в виду рынок.

В феврале 1987 года Клуб социальных инициатив начал серию дискуссий в рамках все-народного обсуждения закона о предприятии. Ее организаторы рассчитывали довести свои выводы до лидеров либерального крыла КПСС в лице А. Яковлева, который покровительствовал Советской социологической ассоциации. Доминирующие идеи были рыночными, но не выходящими за рамки демократического социализма. Кампания была не шумной, упор делался на высокий уровень официальной компетентности. На заседание 14 марта, где впервые присутствовали студенты МГПИ, пришло шесть докторов наук.

Клуб социальных инициатив мог превратиться в систему организации научных симпозиумов или в группу статусной научной интеллигенции (такая модель в 1989 году реализовалась в клубе «Московская трибуна»). Но это похоронило бы сам смысл клуба. В нем стали формироваться достаточно автономные подразделения.

В рамках клуба *была создана лаборатория общественного самоуправления, которая к 29 марта 1987 года подготовила итоговый документ «К проекту закона о социалистическом предприятии». Его авторы считали возможным развивать самоуправление в рамках принимаемого официального закона. Необходим был только «механизм реализации основных положений закона».*

Политическая философия документа строилась на несовпадении демократии и эффективности: «Однако демократизация управления должна проводиться без ущерба для ее эффективности. Демократия является великой ценностью сама по себе. Именно поэтому необходимо позаботиться о том, чтобы сделать ее работоспособной с самого начала». Авторы нацупали одно из уязвимых звеньев демократизации, которое позднее станет одним из мотивов ее свертывания.

Документ испытал на себе также влияние принявших участие в дискуссии молодых историков, повсеместно проповедовавших делегирование, но в основе документа лежал заложенный в законе принцип заводского парламентаризма, объявляющий высшим органом предприятия многочисленное и потому легко контролируемое административным

центром общее собрание или конференцию. «Рабочие обладают достаточной текущей информацией для выбора начальников цехов, но не могут компетентно выбирать директора на заводе с численностью работников свыше 250 человек. По нашему мнению, необходимо пересмотреть пункт 3 статьи 6 закона и указать в нем возможность проведения многоступенчатых выборов... Директор избирается правлением».

Принцип делегирования подразумевалось применить и для демократизации иерархии министерств: «Принцип представительной демократии не может быть ограничен пределами предприятия. Необходимо создать представительные органы из демократически избранных правлениями директоров на уровнях объединения и отрасли. Эти органы должны были обеспечить принятие решений в демократическом, а не бюрократическом порядке, наладить контакты между производителями и потребителями еще в фазе предварительного обсуждения приоритетов будущего плана, обеспечить гласное и справедливое решение конфликтов».

Одно дело – советовать властям, как организовать производство, а другое – проникнуть на заводы, создать ячейки своей «Солидарности».

Ценным контактом Клуба социальных инициатив стал Клуб социально активных людей, который был создан рижским психологом С. Игоренком в декабре 1986 года. Начав с расследования педагогических злоупотреблений и критики бюрократизма, клуб затем сосредоточился на правовой помощи рабочим (прежде всего рижскому правозащитнику В. Богданову). Вскоре к клубу присоединились активисты в других городах Прибалтики (в том числе каунасский рабочий и будущий депутат К. Уока). Затем кампания в защиту несправедливо уволенного Богданова нашла поддержку среди нескольких московских интеллектуалов и рабочих-«правдоискателей», которые начали создавать Межгородской рабочий клуб. Организационную работу по созданию всесоюзного рабочего движения взял на себя Илья Шаблинский. Клуб социальных инициатив связал рабочих-активистов с неформалами-социалистами и со столичными учеными-социологами Леонидом Гордоном, Борисом и Галиной Ракитскими, с которыми «ксишники» познакомились по линии Советской социологической ассоциации.

Так возник еще один КОС-КОР. Выстраивалась схема специализации, в которой Клуб социальных инициатив продолжал претендовать на роль координатора специализированных координационных центров. Продолжение круглых столов становилось излишним – элитарные дискуссии велись в редакциях журналов. Роль открытой дискуссионной площадки взял на себя клуб «Перестройка». Былая готовность «инициатив» принимать руководство КСИ доживала последние месяцы. Неформалы предпочитали пирамидальной организации корневую горизонтальную сеть. Но пока эта сеть была недостроена, клуб продолжал сохранять свое влияние и центральную роль как собиратель гражданского общества. Но все определеннее вставал вопрос – а что дальше?

Вспоминает Г. Павловский: *«Неформалы тогда стали хитом. Уже весной 1987 года при слове „неформал“ „прогрессивные“ люди знали, что это такая новая сила. Правда там».*

Вспоминает В. Прибыловский (прежде связанный с группой «молодых социалистов»): *«К перестройке я относился очень скептически, но я помню, что Б. Кагарлицкий в 1986 году мне предсказал то, что будет – это падение коммунистического режима и, возможно, развал Советского Союза. Он сравнил это с преддверием Французской революции. Я тогда*

отнесся к этому скептически и думал, что оптимальный вариант – это наше превращение в Венгрию, но скорее всего это все подавят, а нас посадят, или мы убежим».

Вроде бы ситуация развивалась оптимистично. Все зависело от того, выйдут ли на сцену народные массы.

ЗАОЧНИКИ

13 СЕНТЯБРЯ 1986 ГОДА оренбургский инженер А. Сухарев сумел опубликовать в «Комсомольской правде» приглашение всем желающим обсуждать актуальные социально-политические проблемы по переписке. Через некоторое время «Комсомолка» была буквально завалена письмами со всего Союза. Сухарев взял себе мешок с письмами. Не на все удалось ответить, но через несколько месяцев возникла сеть переписки в 50 человек, которая в дальнейшем выросла до нескольких сотен адресов. Переписка была организована «таким образом: один излагает свою точку зрения в виде статьи, краткого письма, следующему; тот – третьему, и так далее. В результате письмо, пройдя цепочку адресов, превращается в рукописный журнал»⁵⁰. По предложению М. Кунина из Симферополя были созданы упорядоченные цепочки обмена письмами. Как вспоминал А. Сухарев, «выявились наиболее активные участники, ставшие узлами этой структуры. После первичного обмена мнениями корреспонденты клуба разбились на группы по интересам: экономике, политике, философии и искусству»⁵¹.

Такая система переписки напоминала электронные рассылки начала XXI века. Еще один признак того, что социально-культурные предпосылки информационной революции формируются раньше технических, – компьютеров в этой сети еще не было. Люди могли поделиться идеями, которые вынашивались годами в безнадежном политическом вакууме. Все эти идеи, первоначально удивительно похожие из-за общности марксистско-ленинского источника, столкнулись в острой дискуссии. Образовался Заочный социально-политический клуб.

Часть участников переписки быстро нашла между собой взаимопонимание и стала формировать в клубе марксистско-ленинское ядро (центрами этой тенденции стали Киев, где переписку координировал И. Купка, а затем Москва). За год политучебы, притока новой информации и новых людей эта структура начала расслаиваться. Небольшое количество старых членов клуба пошли по пути ломки стереотипов, при которой цитаты Ленина не могли остановить приближения к демократическим и гуманистическим ценностям (это можно отнести к А. Сухареву, П. Смертину, ленинградской группе клуба).

В ноябре 1986-го и феврале 1987-го инициативное ядро Заочного социально-политического клуба собиралось на встречи. Первая определила принципы переписки, вторая попыталась создать легальную организацию. Поскольку возникновение клуба было инициировано «Комсомолкой», то на нее возлагались некоторые надежды. Было написано «Воззвание ко всем революционным силам страны», которое разослали по сети. Воззвание содержало призыв посылать письма в адрес «Комсомольской правды» с предложением создать при ней сеть политклубов. «В начале марта А. Сухарев пришел с этим предложением в редакцию. Им отказали»⁵². Не получив «крышу», клуб стал эволюционировать к большей оппозици-

⁵⁰ Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба. // Спектр. – 1988. – № 1; По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 40.

⁵¹ Сухарев А. Клуб и его вывеска // Община. – 1989. – № 26. – С. 18.

⁵² Кузнецов И. История создания Всесоюзного социально-политического клуба // По страницам самиздата. – М., 1990. – С. 40—41.

онности. Преобладавшие в нем марксисты-ленинцы («эмелы») относились к КПСС ничуть не лучше, чем «эсдеки». Считалось, что КПСС предала марксистско-ленинские идеалы. На майские праздники 1987 года собралась конференция заочного клуба, которая приняла устав, пока очень плюралистичный, но упоминавший, что клуб создан «на марксистско-ленинской основе».

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

УСТАНАВЛИВАЯ КОНТАКТЫ с другими инициативами, неформальные группы стремились использовать их актив для своих проектов. Характерным примером такого противоречивого сотрудничества явился эпизод отношений «общинных социалистов» с группой педагогов-коммунаров.

Во время комсомольской кампании через студентов физфака федералисты установили контакт с полуподпольной коммунарской группой, руководившей тремя педагогическими клубами РВС – «Рассвет», «Ветер» и «Стрела».

РВС возник в 1986 году из двух групп коммунарского движения. Один из лидеров этой группы М. Кожаринов пишет: «Своими генеалогическими корнями наша история уходит в историю „Дозора“ – педотряда коммунарского толка при АПН (лаборатория психологии подростка Института психологии), где работал О. В. Лишин – руководитель объединения»⁵³. Коммунарские группы, как позднее политические неформалы, размножились делением. Коммунары-педагоги подрачивали молодой актив, который вступал в конфликт со своими учителями. От «Дозора» откололся педотряд «Бриг», действовавший в МГУ, который, в свою очередь, породил педотряд «Рассвет», сосредоточившийся на работе не в школах, а в клубах по месту жительства детей. Он превратился в разновозрастную группу, где дети и студенты-педагоги занимались общественно полезными делами. Группа студентов физфака МШИ (лидеры М. Кожаринов и В. Соколова) выступили за создание на основе «Дозора» единой системы автономных педотрядов, но О. Лишин эту идею не поддержал, и молодые физики стали строить систему самостоятельно, создав педотряд «Ветер». «Рассвет» и «Ветер» создали объединенный ревком (А. Нечаев, А. Ампилов, М. Кожаринов и В. Соколова), выпускники «Ветра» стали новыми комиссарами «Рассвета». Это позволило вовлекать новых детей и привело к почкованию «Рассвета» на родственные группы, первой из которых стала внешкольная пионерская дружина «Стрела» – применение идей комсомольской дискуссии к пионерии. Методы работы РВС были основаны на сочетании коммунарских педагогических методик, ролевых игр и разрешенной общественной работы (интернациональна дружба, туризм и так далее).

Деятельные физики произвели на историков большое впечатление, тем более что Колеров и Нечаев на словах активно поддерживали идеи федерализма, синдикализма и рыночного социализма. Тогда же с будущими «общинниками» начали сотрудничать истфаковские коммунары (Л. Наумов и др.). В марте 1987 года была проведена совместная большая ролевая игра со школьниками, где моделировалась «буржуазная» революция. В ходе этой игры роман с физфаковцами подвергся первому испытанию, которое было лишь предвестием более позднего конфликта.

Вспоминает А. Исаев: *«В ходе этой игры физиками и их учениками была установлена жесткая яковинская диктатура. Я играл ремесленника, назначил цену за свою продукцию. Мне говорят: „За эту цену у тебя не будут покупать“. Тогда я говорю, что не буду работать. И меня хватить – сажают в кутузку. Это все как бы соответствовало*

⁵³ Кожаринов М. Ю. Эволюция идей во времени, или История системы. Архив Шубина А. В. Ф. 2000. Субкультуры.

историческим закономерностям. Действительно, в ходе революции такие диктатуры возникают. Мы предлагали продолжить развитие событий и эту диктатуру свергнуть. И тут с удивлением обнаружили, что физики в восторге от происшедшего, от того, что дети своим умом сразу дозрели до социалистической революции! Организовали революционный легион, который наводит железный порядок. Я был потрясен. Какая социалистическая революция?! Это же бюрократическая диктатура, против которой мы все выступаем. С этим же бороться надо. Мы организовали „крестьян“ – школьников, которых „доставали“ якобинцы, и готовили поход на город, чтобы разогнать этот легион. А за что выступать? В этих условиях – за конституционную монархию с городским советом. Под эти знамена собралась огромная армия. Но страсти среди детей так накалились, что в этот момент игра была остановлена». Игры играми, но этот эпизод предвосхитил выбор, который позднее придется делать всерьез.

«ПЕРЕСТРОЙКА»

ЛУЧШЕЙ ДИСКУССИОННОЙ площадкой московской общественности в 1987 году обладал клуб «Перестройка». Он возник на заседании клуба друзей «Эко» (экономический журнал, пользовавшийся популярностью у либерально-коммунистической интеллигенции) в феврале 1987-го. В этой встрече приняли участие сотрудник Центрального экономико-математического института В. Перламутров, экономист-коммунист Е. Гайдар, ленинградцы П. Филиппов, В. Монахов и другие.

В. Перламутров договорился с руководством Центрального экономико-математического института о том, что в актовом зале института будут проходить публичные обсуждения докладов на актуальные темы. Так этот институт стал одним из центров общественной жизни. Клуб назвали в честь курса Михаила Горбачева – не подкопаешься. «Первоначально казалось, что дискуссии „Перестройки“ будут лишь публичным продолжением академических споров»⁵⁴, – вспоминает один из ее активистов В. Игрунов. Но публика не собиралась удерживаться в академических рамках. Ведь она получила место, где можно говорить, что наболело. Гайдар охладел к клубу, другие видные либерально-коммунистические деятели заходили на заседания как почетные гости, но именно гости, а не руководители. Зато Клуб социальных инициатив стал активно участвовать в работе «Перестройки» – это избавляло его от необходимости заниматься организацией дискуссий.

Вспоминает Г. Павловский: *«Перестройка» проектировалась как открытый клуб, за которым стоит Клуб социальных инициатив как управляющая ложа».*

Эта конструкция не вполне получилась, так как организаторы «Перестройки» были людьми с собственными амбициями, самостоятельными идеями и к тому же быстро оказались по разные стороны баррикад во внутриклубной борьбе.

На трибуну «Перестройки» в качестве докладчиков приглашали видных ученых и публицистов: Б. Курашвили, М. Айвазяна, В. Данилова-Данильяна, Н. Петракова, И. Клямкина и других. Послушать их собиралось до 300 человек, которые затем включались в обсуждение услышанного. Рассказывает завсегда клубу В. Прибыловский: «На „Перестройке“

⁵⁴ Игрунов В. О неформальных политических клубах Москвы // Проблемы Восточной Европы. – 1989. – № 27-28 // www.igunov.ru

заметно проявлялось то, что потом стали называть „демшиза“. Туда ходило много людей, которым не хватает общения, – сейчас они все в интернет-чатах сидят. А президиум, куда более разумный, пытался это регулировать. Я чувствовал, что это – атмосфера якобинского клуба, когда он только зарождался».

Из участников дискуссий сформировалось организационное ядро клуба, в которое помимо Перламутрова вошли О. Румянцев, А. Фадин, П. Кудюкин, А. Данилов, В. Кузин, В. Кардаильский, Д. Леонов, О. Янков, С. Минтусов. Характерно, что Фадин и Кудюкин в 1982—1983 годы проходили по тому же делу «молодых социалистов», что и Кагарлицкий, но отношения с ним были испорчены – они имели претензии к поведению друг друга во время следствия. Эти люди – президиум – вели заседания, договаривались с докладчиками и руководством института, проводили более узкие заседания актива, посвященные подготовке документов клуба.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ОБЩИНЫ»

ДИСКУССИИ И ДОКУМЕНТЫ

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ «общинные социалисты» продолжали собирать плоды комсомольской кампании. Студенты истфака ждали политических выступлений. В моду входило атаковать коммунистическую систему через критику сталинизма. Уже через год публика будет перекормлена информацией о сталинских преступлениях, а в начале 1987-го это было еще в диковинку. К 10 апреля дискуссионный клуб истфака провел вечер «Культ личности Сталина: истоки, сущность, последствия», обличающий тоталитаризм (не только сталинский). Были подготовлены доклады по разным аспектам проблемы. Так, например, в докладе А. Шершукова на основании опубликованных в СССР источников реконструировались секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа. В это время федералисты уже начали знакомиться с диссидентской литературой и знали, что искать. Дискуссия о сталинизме превратилась в своего рода театрализованное представление и дала движению эмоциональный импульс, столь необходимый после прекращения комсомольской дискуссии.

Следующая дискуссия, посвященная экономическим проблемам, имела меньший резонанс. Ее материалы интересны тем, что здесь впервые была систематично изложена программа экономических реформ, за которую выступали лидеры группы.

Мы с Исаевым составили документ «Совершенствование системы управления народным хозяйством в условиях перестройки», который презентовали на заседании клуба и затем распространяли как клубные предложения к обсуждаемому тогда в стране закону о государственном предприятии. Авторы предложений считали, что «разрешение противоречия между трудовым вкладом работника и долей вознаграждения невозможно без перехода на полное самофинансирование предприятий». Но авторы документа считали, что «простое расширение функций рынка» недостаточно, так как «в исходе конкурентных столкновений на рынках большую роль играют факторы, независимые от работника». Однако бюрократическое регулирование рынка федералистов тоже не устраивало, и они предлагали вернуться к системе советов, создание которой «в 1917—1918 годах было прервано политикой военного коммунизма».

Последнее утверждение находилось на грани допустимого уровня крамолы, так как отрицало существование советской системы в СССР. Авторы текста критиковали и официальную идею выборов руководителей предприятия, поскольку такие выборы не дают коллективу возможности осуществлять реальный контроль за деятельностью руководства и не обеспечивают реальной обратной связи между работниками и администрацией. «Для преодоления этих недостатков предлагается вернуться к системе делегирования. Делегирование – избирательная система, основанная на комплектовании вышестоящих организаций из представителей нижестоящих с правом отзыва делегата пославшей его организацией в любое время.

Принципы делегирования:

1. Компактность органов должна позволять реально решать вопросы их составов.

2. Подчинение делегата избравшей его группе и их регулярная связь.

3. Делегаты лично известны избирающей их группе по совместной деятельности.

4. Замена делегата осуществляется простым большинством голосов на собрании избравшей его группы.

5. Руководящие органы создают рабочие группы для помощи освобожденным работникам и для контроля за ними, а также на основании конкурсной системы подбирают оперативного руководителя, осуществляющего текущую координацию в рамках, установленных руководящими органами».

Руководящие органы – советы трудовых коллективов, которые при этой системе должны стать реальной властью на предприятиях, сами по себе были бы узлами, где согласовывались интересы групп работников.

Федералисты искали оптимум общественного устройства, и поэтому неизбежно забежали вперед. Сами принципы рыночности и производственной демократии еще только пробивались через толщу бюрократической экономики, а студенты истфака разрабатывали их рафинированные модели. Но через несколько лет выяснилось, что переход к демократии и рыночной экономике опасен полумерами, что как раз на полпути систему и ждут самые опасные ловушки.

Молодые историки обращали внимание на опасность бесконтрольности администрации предприятий при освобождении ее от контроля сверху. Директо-ра, независимые ни от «верхов», ни от «низов», но не являющиеся собственниками и поэтому независимые также от рынка, не заинтересованы в успешном производстве. В конце 80-х – начале 90-х это приведет к обескровливанию производства и перекачке средств в директорские фирмы, а через них – в сферу финансовых спекуляций.

Проект будущих «общинников» указывал также и на опасность нерегулируемой рыночной перестройки, спонтанной переориентации хозяйственных связей, которая действительно произойдет в 90-е годы: «В связи с тем, что размещение промышленных предприятий в 30-е – 70-е годы осуществлялось крайне неравномерно, прежде всего в соответствии с ведомственными интересами, переход к самофинансированию приведет к разрушению сложившихся хозяйственных связей и неравномерному распределению новых». Выход федералисты видели в территориальном регулировании хозяйства через советы. Для этого советы должны были стать делегированными и двухпалатными – палата делегатов трудящихся (от предприятий регионального подчинения и нижестоящих палат делегатов трудящихся) и палата народных делегатов (от нижестоящих территориальных советов). С помощью такой системы будущие «общинники» стремились помимо прочего уравнивать социально-экономические возможности жителей и производителей.

Хозяйственную модель венчали государственные комитеты (советы экономической координации), координирующие работу региональных и отраслевых советов, осуществляющие кредитные и инновационные функции. Этот проект реформ представлял собой баланс между синдикализмом и территориальным коммунизмом. В итоге программа вычерчивала вертикальную цепочку делегированных советов по линии рабочий – бригада – цех (отдел) – предприятие (учреждение) –

отраслевое и территориальное объединение предприятий – ассоциация таких объединений. Возникающая таким образом сеть экономического регулирования замыкалась на территориальную систему самоуправления. Ее предлагалось строить по цепочке человек – семья – дом – улица – район – регион. Федералисты считали, что компетенция вышестоящих органов должна определяться по соглашению нижестоящих, дабы делегированные органы при всей своей демократичности не смогли узурпировать дополнительные полномочия и парализовать право «низов» на отзыв делегатов, как это произошло в 1918 году. Советы должны были превратиться в координирующие, а не командующие организации.

«Общинным социалистам» казалось, что их система может решить все основные экономические проблемы современности.

Слушатели почти не возражали. Сложные конструктивные проекты реформ уже не увлекали их. Аморфность организации оппозиционных студентов в любой момент могла привести к распаду группы до изначального ядра. Было очевидно, что группа студентов не сможет в ближайшие годы провести придуманные «общинными социалистами» реформы. Новый смысл клубу могла придать политическая жизнь. Поле для такой жизни обеспечило знакомство с Клубом социальных инициатив и многочисленными группами, контактировавшими с ним.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИЦО

УЗНАВ, ЧТО В МОСКВЕ существуют Клуб социальных инициатив, клуб «Перестройка» и еще множество других групп, «общинные социалисты» поняли, что настало время приобретать политическое лицо. «Перед лицом всего этого многообразия пора было и нам переходить к новому этапу „неформального“ развития. Для „неформального“ статуса нужно было перестать быть „оппозицией его величества“, которая связана со средой только через официальные структуры или в качестве проводника их идей... Необходимость распространения наших взглядов, которые мы тогда именовали „антибюрократическими“, по многим направлениям была признана еще 21 марта. Тогда образовались три педагогические группы и три агитационные. Отдельно значится пункт „Клуб социальных инициатив – осторожно“. Это было недоверчивое начало будущего КОМКОНа (Комитета по контактам).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.